

Рейчел Гибсон
Влюбленная в тебя
Серия «Все оттенки желания»
Серия «Секс, ложь и онлайн свидания», книга 3

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9964376
Влюбленная в тебя: АСТ; М.; 2015
ISBN 978-5-17-085470-7

Аннотация

Много лет назад в баре маленького тихого городка прогремели выстрелы – жена владельца убила сначала мужа, потом молодую официантку и покончила с собой.

Но что послужило причиной трагедии? Что к ней привело?

Годы спустя дочь убитой официантки Мэнди Дюпре, ставшая знаменитой писательницей, возвращается в городок своего детства, чтобы разгадать тайну случившегося. Однако горожане не желают беспокоить тени прошлого, и единственный, кто готов помочь Мэнди, – это красавец Майк Хеннесси, управляющий семейным баром, в котором когда-то разыгралась кровавая драма.

Майк и Мэнди влюбляются друг в друга – страстно, пылко.

Но если разгадка будет найдена – не разрушит ли это надежды влюбленных на счастье?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Рейчел Гибсон

Влюбленная в тебя

© Rachel Gibson, 2007

© Перевод. Е.Ю. Елистратова, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

Ослепительно-белый неон вывески над баром «Морт» пульсировал и вибрировал, приманивая томимых жаждой обитателей городка Трули, штат Айдахо, точно фонарь, к которому слетаются бабочки. Но заведение это было чем-то большим, нежели местом, где пьют холодное пиво «Корс» и устраивают драки пятничными вечерами. Историческое значение – вот что было у «Морта». Другие заведения открывались и закрывались в этом маленьком городке, а «Морт» всегда оставался, причем одним и тем же.

До тех пор пока – примерно год назад – новый хозяин не вооружился галлонами лизола и краски, чтобы привести бар в порядок, и не ввел строгие правила типа «не швыряться трусиками». Прежде мода набрасывать нижнее белье вместо обручей на вывешенные в ряд над барной стойкой олени рога даже поощрялась – то было нечто вроде спортивного развлечения, теперь же, если бы какой-нибудь дамочке взбрело в голову бросаться трусиками, ее бы вышвырнули отсюда.

Ах, эти старые добрые времена!..

Мэдди Джонс стояла на тротуаре напротив «Морта», не сводя глаз с вывески, – стояла совершенно нечувствительная к соблазну яркого неона вывески, сиявшей в наступающих сумерках. До нее доносился гул голосов, а также музыка из старого здания, зажатого между магазином хозяйственных товаров Эйса и рестораном «Панда».

Мимо Мэдди проследовала парочка в джинсах и майках. Дверь приоткрылась, и на главную улицу, Мэйн-стрит, обрушились гул голосов и резкий перебор гитарных струн – то была кантри-музыка, которую ни с чем не спутаешь.

Дверь захлопнулась, а Мэдди так и осталась стоять снаружи. Она поправила ремешок сумочки на плече, потом застегнула «молнию» мешковатого голубого свитера. Уже двадцать девять лет она не бывала в этом городке. Вот и забыла, как прохладно здесь по ночам. Даже в июле.

Ее рука потянулась было к старой двери, но потом бессильно упала; неожиданно нахлынула волна нехороших предчувствий, подняв дыбом волосы на затылке и скрутив судорогой желудок. Но она ведь делала подобное десятки раз... Тогда откуда же тревога? И почему сейчас? Впрочем, Мэдди знала ответ на этот вопрос. Потому что на сей раз это было личное. Как только она откроет эту дверь, как только сделает первый шаг – обратного пути не будет.

Подруги Мэдди были бы шокированы, если бы увидели ее сейчас неподвижную, будто застывшую в цементе. Она же брала интервью у серийных маньяков и хладнокровных убийц! Но болтать с антисоциальными личностями с нарушенной психикой – это просто кремовое пирожное по сравнению с тем, что ожидало ее в баре «Морт». За вывеской «Лица младше двадцати одного не допускаются» Мэдди дожидалось ее прошлое. И насколько она уяснила в последнее время, копаться в прошлом других людей – несравнимо проще, чем в своем собственном.

– Бога ради... – пробормотала она, снова протягивая руку к двери. С отвращением к самой себе – что за младенческое хныканье? – Мэдди пристукнула свои страхи тяжелым кулаком сильной воли. С ней не случится ничего такого, чего она не желала бы допустить. Она контролирует обстановку. Как всегда.

Мэдди шагнула внутрь, и на нее обрушились тяжелое буханье музыкального автомата, а также вонь дешевой дури и табака. Дверь хлопнула за ее спиной, и она задержалась у порога, чтобы глаза привыкли к полумраку. «Морт» – всего лишь питейное заведение. Как тысячи других по всей стране, где ей доводилось побывать. Да-да, ничего особенного! Даже

оленьи рога над длинной стойкой красного дерева не представляли собой ничего выдающегося.

Мэдди не любила бары. Особенно ковбойские. Дым, музыка, нескончаемые потоки пива... Да и сами ковбои ей не очень-то нравились. По ее мнению, джинсы «Рэнглер» в обтяжку на тугих ковбойских ягодицах никак не компенсировали созерцание сапог с пряжками и комки жвачки. Ей нравились мужчины в костюмах и в итальянских кожаных туфлях. Впрочем, почти четыре года у нее не было не то что мужчины – даже простого свидания не было!

Она рассматривала толпу, пробираясь к центру дубовой стойки с единственным свободным стулом. Глаза ее машинально зафиксировали ковбойские шляпы и кепки дальнобойщиков; были тут и стрижки «ежиком», а также – конские хвосты и кудри до плеч. И еще – жуткие челки, завитые кверху, наихудший образец всего того, что могли дать миру восьмидесятые. А вот чего Мэдди не увидела – так это человека, ради которого сюда явилась. Впрочем, она по-настоящему и не надеялась, что увидит его за одним из столиков.

Мэдди взгромоздилась на стул между мужчиной в синей футболке и женщиной с выжженными перекистью волосами. Позади кассы с наличностью и бутылок со спиртным висело зеркало во всю длину стойки, и там же два бармена цедили пиво и смешивали напитки. Но ни тот ни другой не являлись владельцами заведения.

– Эта девица была из «группы переменного тока», если вы понимаете, о чем я, – пробубнил мужчина слева от Мэдди, и она догадалась, что он имел в виду вовсе не исполнителей таких хитов, как «Снова в трауре» или «Дорога в ад». Этому типу было около шестидесяти, и его облик дополняла потрепанная кепка дальнобойщика, имелся также пивной живот размером с брюхо пони. Глядя в зеркало, Мэдди видела, как несколько сидящих за стойкой мужчин кивали, внимая парню с пивным животом.

Один из барменов положил перед ней салфетку и спросил, что она будет пить. На вид парню было лет девятнадцать, хотя, как полагала Мэдди, все-таки он был старше двадцати одного – то есть вполне мог разливать спиртное среди клубов табачного дыма.

– «Сапфировый мартини». Экстрасухой. Три оливки, – ответила Мэдди, подсчитывая калории в оливках. Она положила сумочку на колени и стала смотреть, как бармен снимал с полки бутылки с джином и вермутом.

– И я сказал этой маленькой шлюшке, что она может оставить при себе свою любовницу при условии, что будет время от времени приводить ее ко мне, – продолжал тип слева.

– И правильно, черт возьми!

– Так о чем я и толкую!

Что ж, в конце концов это Айдахо, сельская глушь, где на такие вещи, как законы о спиртных напитках, смотрят сквозь пальцы, а грязные истории сходят у некоторых за особый литературный жанр.

Мэдди прикусила губу, чтобы удержать комментарии при себе, у нее была привычка высказывать свои мысли вслух. Впрочем, она не думала, что это такая уж плохая привычка, хотя нравилась она далеко не всем.

Глядя в зеркало, Мэдди обводила взглядом бар, пытаясь отыскать хозяина. Но если честно, то она не ожидала увидеть, что он плюхнется на стул за одним из столиков. Когда Мэдди позвонила в другой городской бар, также принадлежавший этому человеку, ей сообщили, что сегодня вечером он будет здесь, в «Морте». «Наверное, – решила она, – этот тип торчит в своем офисе и просматривает бухгалтерские книги». А если он пошел в своего папашу, то осмотру подвергались не накладные, а ляжки барменши.

– Я плачу за все! – крикнула своей подруге женщина на противоположной от Мэдди стороне. – Я даже купила себе открытку на день рождения и подписала – «от Дж. В.». Подумала, ему станет совестно, когда он поймет намек.

– О-о, с ума сойти... – не удержалась от комментария Мэдди, разглядывая в зеркале отражение женщины. Между бутылками водки «Абсолют» и «Скай» она видела пышную копну обесцвеченных волос, ниспадавших на полные плечи, и груди, вываливавшиеся из выреза ярко-красной усыпанной стразами майки.

– Но ему совсем не было стыдно! Он просто сказал, что ему не нравятся слащавые открытки вроде той, что я купила. – Женщина отпила из своего стакана. – Он хочет, чтобы я пришла к нему в следующий уик-энд, когда его мамаша уедет из города, и приготовила обед. – Она утерла влагу под глазами и шмыгнула носом. – Я подумываю о том, чтобы сказать ему «нет».

Брови Мэдди сошлись на переносице и возглас: «Что за дерьмо!» – слетел с ее губ прежде, чем она это поняла.

– Вы что-то сказали? – спросил бармен, поставив перед нею стакан.

Мэдди покачала головой:

– Нет, ничего. – Она сунула руку в сумочку и заплатила за выпивку, а в это время из сияющего неонем музыкального автомата забухали такты песни о «Веселом заведении и неведении». «Какого черта все это могло означать?» – сливалось с устойчивым гулом разговоров.

Закатив рукав свитера, Мэдди протянула руку к своему мартини. Поднося стакан к губам, взглянула на светящиеся стрелки часов. Девять! Раньше или позже, но хозяин должен был показать свое личико. Если не сегодня, так завтра. Она сделала глоток, и смесь джина с вермутом проложила жаркую дорожку в ее желудок.

Право же, она очень надеялась, что он появится пораньше, пока она не выпьет слишком много мартини и не забудет, зачем сидит на высоком барном стуле, подслушивая стенания неудовлетворенных пассивно-агрессивных дам и придурковатых типов. Хотя, с другой стороны, иногда это было неплохое развлечение – слушать людей, жизнь которых казалась еще более жалкой, чем ее собственная.

Мэдди поставила стакан на стойку. Не так уж она любила подслушивать. Она предпочитала прямой подход – копаться в чужих жизнях, настойчиво проникая в самую суть их маленьких тайн. Некоторые расставались со своими секретами без особых возражений, напротив, охотно выбалтывали всю подноготную. Другие вынуждали ее потрудиться – вырывать правду с корнем. Иногда правда была грязной, но всегда – смелой и без прикрас. Но она любила писать о серийных маньяках, массовых убийствах и даже о заурядных психопатах.

Что ж, девушке нужно же чем-то выделиться, и Мэдди, которая писала под псевдонимом Маделин Дюпре, была одним из лучших авторов криминального жанра. Она писала о крови. О больших физически и душевно, и находились даже такие – в том числе ее подруги, – кто полагал, будто она писала, насилая собственную личность. Мэдди нравилось думать, что это прибавляло ей шарма.

Правда же была где-то посередине. Ужасы, которые она наблюдала и о которых писала, действительно причиняли ей вред. Какой бы прочный барьер ни ставила Мэдди между собственным рассудком и людьми, у которых брала интервью и которых подвергала исследованию, их ущербность находила в ее барьере трещины. И потом было дьявольски трудно отмыться от всего этого...

Такая работа заставляла ее видеть мир немного по-другому – не так, как видели его те, кто ни разу не сидел напротив серийного убийцы, вываливающего на тебя подробности своих «подвигов». Но эта же работа сделала Мэдди сильной женщиной, которую никому не взять голыми руками. Она почти ничего не боялась и не питала иллюзий относительно человечества в целом. Конечно, умом она понимала, что подавляющее большинство – это совершенно приличные люди, дай им шанс, и они поступят так, как будет правильно. Но Мэдди знала и других – пятнадцать процентов тех, кого заботили лишь собственные эгоистические

и извращенные удовольствия. Из этих пятнадцати процентов лишь два приходилось на долю настоящих серийных убийц. Прочие отклоняющиеся от социальной нормы персонажи были обыкновенными насильниками, убийцами на бытовой почве и управляющими фирм, втайне потрошившими пенсионные счета своих сотрудников.

Кроме того, Мэдди знала наверняка: тайны имелись у всех – это было неопровержимо, как и тот факт, что солнце встает на востоке и садится на западе. У нее самой было несколько секретов, только она их всегда держала при себе.

Мэдди снова поднесла стакан к губам, бросая взгляды в дальний конец бара. Там отворилась дверь, и из освещенного коридора в темный холл шагнул мужчина.

Мэдди тотчас узнала его – узнала, прежде чем он успел выйти из темноты, когда тени скользнули по широкой груди и могучим плечам, обтянутым черной футболкой. Она узнала его даже до того, как свет выхватил из тени подбородок и заиграл в волосах – черных, как ночь, из которой он только что явился.

Он зашел за стойку, на ходу обматывая красным фартуком бедра и затягивая завязки поверх ширинки. Мэдди никогда с ним не встречалась, но знала, что ему тридцать пять, он был на год старше нее. И еще она знала, что его рост – шесть футов два дюйма, а вес – сто девяносто фунтов. Двенадцать лет этот человек прослужил в армии, где летал на вертолетах и сеял смертоносный дождь из ракет типа «Хеллфайер». Ему дали имя в честь отца, и звали его Локлин Майкл Хеннесси, но все называли его просто Майк. Как и его отец, он был ошеломительно красив. Головы поворачивались ему вслед, переставали биться женские сердца, и дам посещали безумные мысли – фантазии о жарких губах и сброшенной наспех одежде. Мечты о соприкосновении обнаженных тел на заднем сиденье автомобиля...

Впрочем, Мэдди подобные мысли не посещали.

У него была старшая сестра по имени Мэг, и в этом городке ему принадлежали два бара – «Морт» и «Хеннесси». Причем последний принадлежал его семье даже дольше, чем он сам прожил на свете. «Хеннесси» – бар, где работала мать Мэдди! Там ей встретился Лок Хеннесси, и там она умерла.

Он словно почувствовал, что она на него смотрит, и поднял взгляд от завязок фартука. Остановился в нескольких футах от нее, и их глаза встретились. Мэдди судорожно закашлялась – джин не желал литься в горло. Она знала – по данным его водительского удостоверения, – что глаза у него голубые, но они оказались скорее темно-бирюзовыми, как Карибское море. И было потрясением – видеть, как эти глаза смотрят на нее.

Мэдди опустила свой стакан и прикрыла ладонью рот.

Последние такты песни о веселом заведении смолкли, когда он окончательно затянул завязки фартука и шагнул к ней. Теперь их разделяли всего несколько футов.

– Думаете, не до смерти? – послышался его низкий голос.

Она сглотнула слюну и опять закашлялась.

– Надеюсь, нет. Выживу.

– Эй, Майк! – воззвала блондинка с соседнего стула.

– Привет, Дарла. Как дела?

– Бывает получше.

– Ну у тебя всегда так, правда? – спросил он, бросая взгляд на женщину. – Надеюсь, будешь вести себя прилично.

– Ты же меня знаешь! – рассмеялась Дарла. – Я всегда намереваюсь вести себя прилично. Но, разумеется, меня можно уговорить расшалиться.

– Однако твое белье останется сегодня на тебе, правда? – Он приподнял темную бровь.

– Я никогда не знаю заранее. – Блондинка снова рассмеялась. – Ведь неизвестно, что я могу выкинуть. Иногда у меня сносит крышу.

Только иногда? Купить самой себе поздравительную открытку, чтобы бойфренд ее подписал? Это был пассивно-агрессивный тип с уклоном в помешательство.

– Смотри, чтобы твои трусы оставались там, где положено, иначе мне снова придется выставить тебя отсюда с голой задницей.

Снова?.. Неужели такое уже случилось? Мэдди сделала очередной глоток и бросила взгляд на объемистый зад блондинки, втиснутый в «рэнглеры».

– Держу пари, вам всем очень хотелось бы это увидеть! – заявила Дарла, тряхнув копной волос.

И Мэдди опять поперхнулась коктейлем – второй раз за вечер.

Она услышала тихий смех Майка и увидела веселые огоньки в его поразительно голубых глазах.

– Дорогая, не принести ли вам воды? – спросил он.

Откашлявшись, Мэдди покачала головой.

– Коктейль слишком крепкий?

– Нет. Все в порядке. – Кашлянув в последний раз, она поставила стакан на стойку. – Просто представила себе нечто ужасное.

Уголки его губ дрогнули в улыбке, и на щеках обозначились ямочки.

– Я вас здесь раньше не видел. Вы тут проездом?

Мэдди заставила себя забыть видение огромной голой задницы Дарлы и вспомнить, по какой причине она явилась в «Морт». Она предполагала, что Майк Хеннеси внушит ей антипатию с первого взгляда. Но этого не случилось.

– Нет. Я купила дом на Ред-Сквиррелл-роуд.

– Милое местечко. Ваш дом на самом берегу озера?

– Да.

«Похоже, – подумала она, – Майк унаследовал также отцовский шарм в придачу к прекрасной наружности».

Мэдди уже успела узнать: очарования Локу Хеннеси вполне хватало, чтобы укладывать женщин в штабеля, едва посмотрев в их сторону. Несомненно, так он очаровал и ее мать.

– Значит, приехали провести лето?

– Да.

Склонив голову к плечу, Майк внимательно разглядывал ее, и это продолжалось довольно долго. Наконец он спросил:

– Как вас зовут, кареглазка?

– Мэдди, – ответила она, задержав дыхание. Вдруг он отыщет связь с прошлым? Своим прошлым...

– Просто Мэдди?

– Дюпре, – ответила она, прибегнув к псевдониму.

Кто-то в зале окликнул Майка по имени, и он на минуту отвлекся, прежде чем снова сосредоточить внимание на Мэдди. Причем одарил ее непринужденной улыбкой, от которой на щеках снова заиграли ямочки, смягчившие его мужественные черты. Он ее не узнал!

– А меня зовут Майк Хеннеси. – Опять заиграла музыка и он добавил: – Добро пожаловать в Трули. Может быть, как-нибудь увидимся.

Мэдди смотрела ему вслед. Она так и не сообщила ему цель своего приезда в город и не объяснила, зачем торчала в «Морте». Так что Майк Хеннеси даже не догадывался, что ему теперь придется очень часто с ней видаться. И в следующий раз, вероятно, встреча будет куда менее приятной.

Звуки и запахи бара давили на нее, и Мэдди, перебросив сумочку через плечо, соскользнула с высокого стула и пошла сквозь толпу и дымный полумрак. В дверях оглянулась на барную стойку и Майка. Освещенный светом висевшей над ним лампы, он склонил голову к

плечу и улыбнулся. Мэдди замерла, сжимая дверную ручку. А он отвернулся и стал наливать пиво из одного из многочисленных кранов.

Тем временем из музыкального автомата звучало что-то про виски для мужчин и пиво для лошадей. Взгляд Мэдди задержался на черных волосах Майка и на его широких плечах, обтянутых черной футболкой. Повернувшись, он поставил стакан на стойку. Мэдди видела, что он смеялся чему-то, и вдруг поняла: каким бы ни представляла она себе до этого Майка Хеннеси, он все же умел весело смеяться и обворожительно улыбаться.

Тут он взглянул на нее сквозь завесу сигаретного дыма, и она почувствовала, как он тянется к ней и ощупывает ее, хотя, конечно же, это была полнейшая иллюзия. Она ведь стояла возле двери, в самой темноте, и вряд ли он сумел бы ее разглядеть.

Открыв наконец дверь, Мэдди шагнула на улицу, в вечернюю прохладу. Пока она сидела в баре, на Трули спустилась ночь, подобная тяжелому черному занавесу. К счастью, горело несколько вывесок. И кое-где светились уличные фонари.

Ее черный «мерседес» был припаркован на другой стороне улицы, перед магазином спортивного белья Тины и художественной галереей «Рокхаунд». Она дождалась, когда пройдет желтый «хаммер», и лишь затем сошла с обочины и пошла через дорогу – прочь от сияния неоновой вывески бара «Морт».

Ключ был не нужен; при приближении хозяйки электронный передатчик в сумочке открыл замок водительской дверцы. Открыв дверцу, Мэдди скользнула в прохладный кожаный салон. Вообще-то она мало интересовалась вещами. Была равнодушна к одежде и обуви. Поскольку теперь ей ни перед кем не нужно было раздеваться, она могла не волноваться из-за того, что ее бюстгалтер не подходил к трусикам. И дорогих украшений у нее не было. «Мерседес» она купила два месяца назад, а до этого накрутила двести тысяч миль на «Ниссане Сентра». Ей требовалась новая машина, и она присматривалась к «вольво», но на глаза ей попался черный седан S-600. Огни выставочного зала озаряли машину, и это было как божий знак. Мэдди могла бы поклясться, что слышала, как ангелы выводят «Аллилуйя» – будто хор мормонов на своем молитвенном сборище. Кто она такая, чтобы пренебрегать советом Всемогущего? После переговоров с дилером она несколькими часами позже выкатила машину из автосалона и поставила в гараж своего дома в Бойсе.

Мэдди нажала стартовую кнопку и включила фары. Ожила стереосистема, и салон «мерседеса» наполнили звуки «Неуравновешенного мальчика» Уоррена Зивона. Она съехала с обочины и сделала разворот на середине Мэйн-стрит. В текстах Уоррена Зивона ей слышалось нечто восхитительное и пугающее – казалось, что заглядываешь в мозг человека, стоящего на грани между здравым рассудком и болезнью; и человек это время от времени заносил ногу над последней чертой – забавлялся таким образом, а затем отскакивал прежде, чем его затягивало в безумие. По опыту своей работы Мэдди знала, как мало тех, кто действительно сумел отскочить от края пропасти.

Фары «мерседеса» разрезали чернильную тьму ночи, когда Мэдди свернула налево у единственного в городе светофора. Ее самой первой машиной был «фольксваген-кролик» – настолько побитый жизнью, что сиденья пришлось перевязать клейкой лентой, чтоб не развалились. С тех пор она далеко ушла! Прodelала длинный путь от трейлерной стоянки, где сначала жила вместе с матерью, и от тесного домика в Бойсе, где потом воспитывалась у Марты, сестры деда.

До самого выхода на пенсию Марта трудилась за прилавком аптеки, и они вдвоем жили на ее жалкую зарплату и социальное пособие, которое платили на Мэдди. С деньгами всегда было туго, но Марта неизменно держала в доме еще с полдюжины котов и кошек. Дом провонял запахом «Фрискис», и это было ужасно. С тех пор Мэдди ненавидела кошек. Исключением являлся мистер Снукумс, любимец ее дорогой подружки Луси. Снуки был отличным парнем. Насколько кот может быть отличным парнем.

Мэдди проехала около мили вдоль восточного берега озера, затем свернула на дорогу, обсаженную высокими крепкими соснами, после чего остановилась перед двухэтажным домом, который купила несколько месяцев назад. Она не знала, насколько задержится в этом доме. На год? На три? На пять? Но все же она купила дом, а не сняла, потому что это было хорошее вложение денег. Недвижимость в окрестностях Трули шла нарасхват. Когда она продаст дом – если продаст, – сделка принесет ей немалый доход.

Мэдди погасила фары, и ее обступила тьма. В груди тревожно заухало, но она решительно вышла из машины и направилась вверх по ступенькам на просторную веранду, освещенную многочисленными лампами. Она ничего не боялась. И разумеется, не боялась темноты, хотя знала, какие ужасные вещи происходят с женщинами, не столь осторожными и предусмотрительными, как она, Мэдди. С женщинами, которые не носили в сумочке целый арсенал устройств, призванных обеспечить личную безопасность. Таких, например, как «Тазер» с его парализующими стрелами, слезоточивый газ «Мейс», «тревожный» свисток, а заодно и кастет. Одинокая девушка не может перестараться со средствами защиты, особенно ночью в городе, где не видишь собственной вытянутой руки. В городе, который вырос среди густого леса, где дикая жизнь кипит и в кронах деревьев, и в подлеске. Где крысы с глазами-бусинками ждут, чтобы девушка отправилась спать, а затем совершают набег на кладовую. Мэдди еще ни разу не пришлось воспользоваться средствами защиты, но в последнее время она часто задавалась вопросом: хватит ли ей духу и умения застрелить наповал крысу-мародера стрелами своего «Тазера»?

В глубине дома горели лампы, и Мэдди, отперев дверь, выкрашенную в цвет лесной зелени, шагнула внутрь и тут же задвинула засов. Никакие крысы не прыснули из углов, когда она швырнула сумочку на обитое красным бархатом кресло возле двери. В середине просторной гостиной возвышался огромный камин, который отсекал от комнаты ту ее часть, где следовало устроить столовую. Но Мэдди устроила здесь кабинет.

На журнальном столике, перед обитым бархатом диваном, расположилась картотека, и тут же стояла в серебряной рамке старая фотография пять на семь. Мэдди взяла фотографию и стала всматриваться в лицо матери. Светлые волосы, голубые глаза и широкая улыбка... Увы, Элис Джонс умерла. А это была фотография счастливой женщины двадцати четырех лет, прямо-таки лучившейся жизненной энергией. Но, как и пожелтевшая фотография в дорогой рамке, воспоминания Мэдди стерлись, выцвели – почти все. Помнились лишь отдельные эпизоды и моменты... Например, смутно помнилось: вот она, Мэдди, наблюдает, как мама, уходя на работу, накладывает макияж и расчесывает волосы. И еще она помнила старый синий чемодан фирмы «Самсонит», с которым они переезжали с места на место. Сквозь мутную призму двадцати девяти лет Мэдди, напрягая зрение, видела, как мама в последний раз собирала пожитки в их «Форд Маверик». А затем – двадцать четыре часа езды на север, до Трули. И переезд в их дом-трейлер с грубым ворсом оранжевого ковра на полу.

Мэдди прекрасно помнила, как пахла мамина кожа. От нее исходил запах миндального лосьона. Но еще лучше помнила она то утро, когда в их трейлере появилась сестра деда и сообщила, что мама умерла.

Мэдди вернула фотографию в рамку на место и пошла на кухню. Извлекла из холодильника бутылку диетической колы и отвинтила крышку. Марта всегда говорила, что Элис взбалмошна и непостоянна. Точно бабочка, порхает с места на место, от мужчины к мужчине, ищет настоящего дома и любви. И то и другое она находила – на короткое время, а затем летела на новое место, к новому мужчине.

Мэдди отпила из бутылки и завинтила крышку. Она не такая, как мать. Она знает свое место в мире. Ей удобно быть одной – такой, какая она есть, и ей решительно не нужен мужчина, который бы ее любил. По правде говоря, она ни разу не узнала любви. Не узнала того романтического чувства, о котором писала ее хорошая подруга Клер. Да-да, ни разу у

нее не было той глупой одержимости мужчиной, которая владела матерью и в конце концов забрала у нее жизнь.

Нет, Мэдди не волновала мужская любовь. Другой вопрос – мужское тело, и время от времени она заводила бойфренда. Мужчину, который приходил несколько раз в неделю, чтобы заняться сексом. Ему необязательно было уметь поддержать разговор. Черт, да он даже в ресторан не обязан был ее приглашать. Ее идеальный мужчина просто тащил Мэдди в постель, а затем уходил. Но поиски такого идеала осложнялись двумя проблемами. Во-первых, любой мужчина, которому нужен от женщины только секс, – почти наверняка ничтожество. Во-вторых, не так-то легко отыскать согласного на все мужчину, который и впрямь был бы хорош в постели. В результате этот тяжелый труд – попробовать одного мужчину за другим в поисках идеального – осточертел ей вконец, и Мэдди бросила это дело четыре года назад.

Сжав горлышко бутылки двумя пальцами, Мэдди вышла из кухни. Задники туфель шлепали по пяткам, когда она прошла по дощатому полу гостиной, мимо камина, прямо в кабинет. Ее лэптоп стоял на Г-образном, придвинутом к стене офисном столике, и Мэдди щелкнула кнопкой лампы, сидевшей на прищепке на краю стола. Две лампочки в шестьдесят ватт озарили стопку дневников, лэптоп и ее, Мэдди, заметки на клейких листках. Всего было десять дневников – разного вида и цвета. Красная обложка. Голубая. Розовая. На двух имелись замочки, а один из дневников представлял собой спирально закрученный блокнотик, на котором сверху маркером было начертано – «Дневник». И все они принадлежали ее матери.

Постукивая себя по бедру бутылочкой диетической колы, Мэдди в задумчивости смотрела на лежащую сверху стопки тетрадь в белой обложке. Она ничего не знала об этих дневниках, пока несколько месяцев назад не умерла тетя Марта. И до сих пор не верилось, что Марта намеренно скрывала от нее дневники. Скорее всего, она собиралась отдать их ей, когда наступит подходящий день, а потом забыла о них. Элис не одна оказалась взбалмошной представительницей фамильного древа Джонсов.

Поскольку Мэдди являлась единственной родственницей Марты, ей и пришлось улаживать все дела, то есть организовать похороны и вычистить дом. Она сумела подыскать новое жилище для тетиных кошек и собиралась отдать почти все, что осталось после тетки, в приют для бездомных. В одной из больших картонных коробок Мэдди обнаружила несколько пар старых туфель, вышедшие из моды сумки и старую обувную коробку. Она уже собиралась выбросить ее, не подняв крышки, но в последний момент почему-то удержалась. Может, зря не выбросила? Ведь тогда избежала бы этой боли – рассматривать содержимое коробки и чувствовать, как сердце вот-вот выскочит из груди. Ребенком Мэдди страстно мечтала иметь что-нибудь на память о матери, некую связующую ниточку. Что-нибудь такое, что можно хранить, а время от времени доставать и вспоминать женщину, давшую ей жизнь. Она провела детство, тоскуя из-за того, что у нее не было ничего подобного... А ведь оно все время было рядом, всего в нескольких футах от нее, на верхней полке чулана. Дожидалось ее, спрятанное в коробке из-под обуви от «Тони Лама».

В коробке хранились дневники, некролог и газетные статьи о маминей смерти. Еще там обнаружился атласный мешочек с украшениями, по большей части – дешевыми побрякушками. Ожерелье, несколько колечек с бирюзой, пара серебряных серег-обручей... И еще крошечная розовая ленточка из больницы Святого Луки, на которой было напечатано: «Малышка Джонс».

Стоя в тот день в своей старой спальне, не в силах перевести дух – ее грудь, казалось, вот-вот взорвется, – Мэдди снова почувствовала себя ребенком. Одиноким и испуганным. Было страшно протянуть руку и обрести, наконец, связь, которой ей так не хватало. Но, с другой стороны, восхитительно было понимать, что у нее наконец появилось нечто осязаемое, то, что когда-то принадлежало матери, которую она почти не помнила.

Поставив бутылку колы на стол, Мэдди крутанулась в своем офисном кресле. В тот день она забрала коробку к себе и спрятала атласный мешочек в свою шкатулку с драгоценностями. Потом села и стала читать дневники. Прочла все до последнего слова, проглотив дневники матери за один день. Начинались они с того дня, когда маме исполнилось двенадцать. Некоторые тетради были толще других, и маме потребовалось больше времени, чтобы их исписать. Так Мэдди узнала Элис Джонс.

Узнала двенадцатилетнюю девочку, страстно мечтавшую стать актрисой – как Энн Фрэнсис. Узнала девочку-подростка, чьей заветной мечтой было найти настоящую любовь посредством «игры в свидание». И наконец, женщину, искавшую любовь вовсе не там, где следовало бы.

Мэдди нашла нечто, связывающее ее с матерью. Но чем дольше она читала, тем сильнее чувствовала себя обманутой. Детская мечта Мэдди сбылась, но ей никогда еще не было так одиноко, как теперь.

Глава 2

Майк Хеннесси стянул стопку банкнот резинкой и положил ее рядом со стопкой кредитных карточек и долговых расписок. Маленький кабинет в задней половине «Морта» заполнил звон установленного на столе электрического счетчика монет. Все, кроме Майка, ушли по домам, да и он сам собирался уйти, как только подсчитает наличность в кассе.

Владеть и управлять барами – это было у Майка в крови. Во времена «сухого закона» его прадед гнал и продавал дешевый хлебный виски, а бар «Хеннесси» открыл через два месяца после того, как отменили Восемнадцатую поправку и потоки спиртного снова хлынули из бутылок и кранов на всей территории Соединенных Штатов. С тех пор бар оставался собственностью семьи.

Майку не особенно нравилось иметь дело с драчливыми пьяницами, зато нравился гибкий график работы – вот что значит быть самому себе начальником. Ему не нужно было утруждать себя, принимая заказы, отвечая на всевозможные вопросы; когда же он входил в какой-нибудь из своих баров, то мог наслаждаться ощущением собственной власти. Ничто другое в жизни не давало ему подобного чувства. В его барах было шумно, здесь царило бурное веселье и вообще хаос, – но этот хаос находился под его контролем.

Но кое-что Майк любил еще больше, чем ощущение собственной власти, а именно – делать деньги. За летние месяцы он выкачивал прорву денег из туристов и из тех, кто жил в Бойсе, но владел домишками на озере в Трули.

Сортирующий монеты аппарат вскоре закончил работу, и Майк рассовал стопки монет по бумажным «рукавам». А потом ему вдруг вспомнилась темноволосая женщина с красными губами. Вовсе не удивительно, что он заметил Мэдди Дюпре сразу же, как встал за стойкой. Его бы скорее удивило, если бы он ее не заметил! С прекрасной гладкой кожей, соблазнительными карими глазами, она была как раз из тех женщин, которые всегда привлекали его внимание. Маленькая родинка в уголке ее сочного рта напомнила Майку, как давно не целовал он таких губ, чтобы затем спуститься ниже... вниз по подбородку, к изгибу шеи... ко всем нежным и сладким местечкам.

С тех пор как два года назад Майк переехал в Трули, его сексуальная жизнь пострадала гораздо сильнее, чем хотелось бы признавать. И это удручало. Трули был маленьким городком, где жители ходили в церковь и предпочитали ранние браки. Старались сохранять семейный статус. А если нет, то снова женились и выходили замуж, причем как можно скорей. Но Майк никогда не имел связи с замужними дамами или с теми, кто нацеливался именно на замужество. С такими и говорить было не о чем.

И дело вовсе не в том, что в Трули не хватало незамужних женщин. Если ты – хозяин двух баров в городе, доступные женщины всегда под рукой. Многие из них давали Майку понять, что их интересовало отнюдь не разнообразие коктейлей в его барах. Некоторых из этих женщин он знал всю свою жизнь. Причем им были известны всякие рассказы про него да сплетни, поэтому они думали, что прекрасно его знают. Но нет, ничего подобного! Иначе бы они понимали, что он предпочитал проводить время с подругами, не знавшими его прошлого. То есть с теми, которые не знали отвратительных подробностей жизни его родителей.

Майк поместил деньги и расписки в депозитные мешки и застегнул «молнии». Часы на стене над его столом показывали пять минут третьего ночи. На столешнице из полированного дуба красовалась последняя школьная фотография Трэвиса. Бросалась в глаза щедрая россыпь шоколадных веснушек на щеках и на носу. Племянник Майка мог противостоять кому угодно; он был настоящий представитель семейства Хеннесси – себе же во вред. Невинная улыбка парня никоим образом не могла обмануть Майка. От своих предков Трэвис

унаследовал темные волосы, голубые глаза и крутой нрав. Дай ему волю, и он возьмет от них также любовь к дракам, выпивке и женщинам. Каждое из этих пристрастий само по себе вполне терпимо, если в умеренных дозах. Но целые поколения Хеннесси гроша ломаного не давали за умеренность. Вот и выходило иногда, что сочетание подобных качеств приводило к летальному эффекту.

Майк пересек комнату и поместил деньги на верхнюю полку сейфа, рядом с распечаткой финансовых операций сегодняшнего вечера. Затем захлопнул тяжелую дверцу и повернул вниз стальную рукоять. Повернул и кодовый замок. Щелчки набора цифр нарушили тишину, царившую до того в маленьком кабинете в задней части бара «Морт».

Трэвис превращал жизнь Мэг в сущий ад, что верно, то верно. К тому же сестра Майка очень плохо понимала, из чего состоит жизнь обычного мальчишки. Она, например, не могла взять в толк, зачем нужно швыряться камнями, делать оружие из всего, что попадется под руку, и в компании приятелей молотить друг друга кулаками без видимых на то причин. Поэтому Майк исполнял роль посредника в жизни Трэвиса и помогал Мэг воспитывать его. Чтобы мальчику было с кем поговорить. Чтобы было кому научить его, как стать хорошим человеком. Впрочем, вряд ли Майк являлся экспертом в подобных вопросах или же представлял собой ярчайший образец того, что называлось «правильным парнем». Зато он отлично знал – по некоторому опыту, – что означали слова «вонючая задница».

Взяв со стола связку ключей, Майк вышел из офиса, и каблук его ботинок застучали по доскам пола слишком уж громко – в диссонанс тишине опустевшего бара.

В его собственном детстве рядом не оказалось того, с кем можно было бы поговорить и кто научил бы, что значит быть мужчиной. Майка воспитывали сестра и бабушка, и ему пришлось всему учиться самостоятельно, причем чаще всего – не тому и не у тех. И он не хотел, чтобы с Трэвисом произошло то же самое.

Майк щелкнул выключателем и вышел через черный ход. Холодный утренний воздух обдувал его лицо и шею, когда он вставлял ключ в скважину замка, закрывая за собой дверь. В свое время, окончив школу, Майк уехал из Трули, чтобы попытаться счастья в Бойсе, столице штата. Но после трех лет бесцельных поисков и бесчисленных глупостей он записался в армию. Тогда ему казалось, что это просто замечательный план – увидеть мир, сидя в танке.

Его красный «додж-рэм» был припаркован возле мусорного бака. Майк забрался в салон. Что ж, ему действительно удалось повидать мир. Даже больше, чем хотелось бы вспоминать. Только повидать он мир не из танка, а из кабины вертолета «Апач», с высоты нескольких тысяч футов над землей. Так он «гонял птиц» для правительства Соединенных Штатов, затем вышел в отставку и вернулся домой, в Трули. Армия дала ему куда больше, нежели просто карьеру и шанс зажить приличным человеком. Армия научила его быть мужчиной, а этому он никогда бы не научился, живя в доме, полном женщин. Теперь он, например, знал, когда вставать во весь рост, а когда заткнуться. Когда драться и когда уходить прочь. Знал, что важно, а что не стоило его драгоценного времени.

Запустив мотор своего грузовичка, Майк подождал несколько минут, чтобы машина прогрелась. Майк владел двумя барами, и, по его мнению, было очень кстати, что он когда-то научился справляться с пьяными драчунами и прочим дерьмом без того, чтобы пускаться в ход кулаки и проламывать буйные головы. Иначе толку бы не было. Он бы ввязывался в одну драку за другой и постоянно разгуливал бы по городу с подбитым глазом и расквашенной губой – как бывало раньше, когда был мальчишкой. В те времена он еще не знал, как разгребать дерьмо этого мира. В те времена он вынужден был жить с бременем скандала, затеянного его родителями. Вынужден был слышать шепотки и терпеть косые взгляды в церкви или в бакалейном магазине. И еще – насмешки в школе. Но хуже всего были дни рождения, на которые их с Мэг не приглашали. В те времена он отвечал кулаком на любую насмешку. А Мэг ушла в себя.

Майк включил фары и дал задний ход. Габаритные огни «доджа» осветили узкий переулок, и Майк, оглядываясь через плечо, выехал с парковки. В городе покрупнее подробности распутной жизни Лока и Роуз Хеннесси забылись бы через несколько недель. Сообщения на первых полосах газет день-другой, а потом нашлось бы что-нибудь более шокирующее, затмевающее все предыдущее. Нашлось бы что-нибудь такое, о чем болтали бы за утренним кофе. Но в городке Трули, где смачный скандал затевался вокруг столь гнусных деяний, как кража велосипеда или браконьерство Сида Граймса в межсезонье, грязь, которую Лок и Роуз Хеннесси обрушили на город, давала пищу для сплетен на долгие годы. Смакование каждой трагической детали этого происшествия сделалось здесь любимым времяпрепровождением. Развлечением, стоявшим в одном ряду с праздничными шествиями, конкурсом ледяных скульптур и сбором пожертвований на разнообразные городские нужды. Но в отличие от разукрашенных лодок на озере или шумихи вокруг программ типа «Скажи “нет” наркотикам» для выпускников школ, которые все, кажется, рады были поскорее забыть или, возможно, делали вид, что не помнят, в центре кошмара, затеянного Локом и Роуз Хеннесси, оказались два ни в чем не повинных ребенка, пытавшиеся все это пережить.

Майк переключил рычаг коробки передач и выехал из переулка на плохо освещенную улицу. Некоторые его детские воспоминания были, к счастью, почти забыты, другие же, напротив, кристально ясны, их-то он помнил в мельчайших подробностях. Например, ту ночь, когда их с Мэг разбудил окружной шериф, велел быстро собираться и увез в дом их бабушки Лорейн. Майк помнил, как сидел на заднем сиденье полицейской машины; он был в футболке, трусах и кроссовках и прижимал к груди игрушечный грузовик, а рядом с ним сидела Мэг, рыдавшая безудержно. И он также помнил, как полицейская рация взрывалась воплями и взволнованными голосами и кто-то то и дело кричал, что надо навести справки о какой-то маленькой девочке.

Немногочисленные городские огни остались позади. В угольной черноте ночи Майк проехал около двух миль, прежде чем свернуть на грязную улочку. Он проехал мимо дома, где росли они с Мэг после смерти родителей. Бабушка Лорейн привязалась к ним и по-своему любила. Она следила, чтобы у него и у Мэг было все, что требовалось, например зимние ботинки и перчатки. Она также заботилась о том, чтобы животы их были набиты вкусной едой. Но бабушка совершенно упускала из виду именно то, что им на самом деле было нужно. И она отказалась продавать старый дом на ферме, где они с Мэг жили вместе с родителями. Этот дом на окраине города долгие годы простоял заброшенным, оставаясь раем для мышей и постоянным напоминанием о семье, которая жила тут когда-то. Любой, кто въезжал в город, первым делом видел этот дом. Видел заросли бурьяна, облупившуюся белую краску и провисшую бельевую веревку.

С понедельника по пятницу, девять месяцев в году, Майк и Мэг вынуждены были проезжать мимо этого дома по пути в школу. В то время как другие дети обсуждали последнюю серию «Придурков из Хаззарда» или проверяли содержимое своих коробок с завтраками, они с Мэг старательно отворачивались от окна и мысленно молили Господа, чтобы никто не заметил их старый дом. Господь не всегда внимал их мольбам, и тогда весь автобус принимался обсуждать новейшую сплетню о родителях Майка – милые дети узнавали все это в своих семьях.

Поездка на школьном автобусе была ежедневным адом, рутинной пыткой до тех пор, пока одной холодной октябрьской ночью тысяча девятьсот восемьдесят шестого года дом не вспыхнул гигантской оранжевой вспышкой и не сгорел дотла. Причиной пожара был признан поджог, и началось расследование. Допросили почти всех в городе, но человека, облившего дом керосином, так и не нашли. Все в городе полагали, что знали, кто это сделал, но доказать никто ничего не мог.

После смерти Лорейн, три года назад, Майк продал ее дом семейству Аллегредца и подумывал о том, чтобы заодно расстаться и с семейным баром. Но в конце концов все же решил вернуться в Трули, чтобы лично вести дела. Он был нужен Мэг, был нужен Трэвису. И, к удивлению Майка, никто больше не говорил о том старом скандале, когда он вернулся в городок. Шепотки больше его не преследовали. Во всяком случае, Майк их больше не слышал.

Он притормозил и снова повернул налево, выехав на длинную подъездную дорогу, взбегавшую по холму к его дому. Майк купил этот двухэтажный дом вскоре после того, как вернулся в Трули. Оттуда открывался великолепный вид на город и на пики гор, окружавших озеро. Поставив грузовик в гараж, рядом с восьмиметровым катером «Ригал», он вошел в дом через прачечную. В кабинете горел свет, и он выключил его, проходя мимо. Затем миновал темную гостиную и взбежал по лестнице, перескакивая через две ступени.

На самом деле Майк нечасто вспоминал о прошлом и о своем детстве. Да и в Трули об этом больше не болтали – просто удивительно! Но сейчас ему было наплевать, что о нем думали и говорили в городе.

Майк вошел в свою спальню в дальнем конце холла и двинулся сквозь лунный свет, лившийся через прорези деревянных жалюзи. Полосы желтоватого света легли ему на лицо и грудь, когда он сунул руку в задний карман джинсов. Бросив бумажник на комод, Майк стянул с себя футболку. Ему, разумеется, наплевать на прошлое, но это не означало, что о прошлом забыла Мэг. У нее бывали хорошие и плохие дни. После смерти бабушки плохие дни становились еще хуже, и было бы неправильно, если бы это повлияло на жизнь Трэвиса.

Лунный свет и тени падали также на зеленое лоскутное одеяло и на массивные дубовые столбики кровати. Бросив футболку на пол, Майк пересек комнату. Иногда ему казалось, что возвращение в Трули было ошибкой. У него возникало ощущение, будто он стоит на одном месте, не в силах сделать шаг вперед. И он понятия не имел, откуда появилось это ощущение. Он купил еще один бар и подумывал о том, чтобы вместе с другом Стивом наладить вертолетное сообщение. У него были и деньги, и успех. А в Трули – его дом, потому что здесь его семья. Единственная семья. И другой семьи, вероятно, не будет. Но иногда... Иногда Майк не мог стряхнуть с себя ощущение, что чего-то ждет.

Матрас просел, когда Майк опустил на край постели и сбросил ботинки и носки. Мэг думала, что ему всего-навсего нужно встретить милую добрую женщину, которая станет ему хорошей женой, но сам Майк не мог представить себя женатым человеком. Во всяком случае – сейчас. В его жизни уже были и милые женщины, и хорошие отношения. Хорошие как раз до того момента, когда они вдруг переставали быть хорошими. Отчасти из-за того, что Майк заходил слишком далеко. Но в основном из-за того, что он никак не желал покупать обручальное кольцо и вести невесту в церковь.

Майк встал и разделся до трусов. Мэг считала, что ее брат боялся женитьбы только потому, что брак их родителей был ужасным. Но она ошибалась. Ведь своих родителей Майк едва помнил. Было несколько скудных воспоминаний о семейном пикнике на озере и о родителях, обнимающихся на диване. Кроме того – о матери, рыдавшей на кухне. И еще он помнил тяжелый старинный телефонный аппарат, которым запустили однажды прямо в экран телевизора.

Нет, дело было вовсе не в воспоминаниях о семейной жизни родителей. Просто Майк ни разу не полюбил женщину настолько, чтобы захотелось провести остаток жизни именно с ней. И он не считал это проблемой.

Откинув одеяло, Майк лег на прохладные простыни. Второй раз за минувшие сутки он подумал о Мэдди Дюпре и тихо засмеялся, лежа в темноте. Умная чертовка! Но он никогда не считал ум недостатком у особ противоположного пола. Ему даже нравились женщины,

ни в чем не уступавшие мужчинам. Такие женщины умели отдавать не меньше, чем брать, и не цеплялись за мужчину, который якобы должен о них заботиться (в отличие от обычных баб, которые вечно в чем-то нуждались, обожали поплакать или закатить сцену. У которых настроение как маятник – туда-сюда, туда-сюда).

Повернувшись на бок, Майк взглянул на часы. Он ставил будильник на десять утра, чтобы провести несколько часов в безмятежном сне. К несчастью, сон его был нарушен.

Звонок телефона выдернул его из глубокого сна. Майк открыл глаза и сощурился – постель заливал яркий солнечный свет. Он взглянул на определитель номера и потянулся за трубкой.

– Черт бы тебя побрал! – рявкнул он, стягивая одеяло с груди. – Я же не разрешаю тебе звонить раньше десяти, если нет крайней необходимости.

– Мама на работе, а мне нужны фейерверки, – сообщил племянник.

– В половине девятого утра? – Майк сел и провел ладонью по волосам. – Твоя нянька с тобой?

– Да. Завтра Четвертое июля, а у меня нет фейерверков.

– И до тебя это дошло только сейчас? – Тут что-то крылось. Если дело касалось Трэвиса, тут всегда что-то крылось. – Почему мама не купила тебе фейерверки? – Воцарилось долгое молчание, и тогда Майк добавил: – Можешь сказать правду, потому что я все равно спрошу у Мэг.

– Она сказала, что я грязно ругаюсь.

Майк встал с постели, и его ноги утонули в толстом ворсе бежевого ковра. Он пошел к комоду. Казалось, он страшился задать очередной вопрос. Но все же спросил:

– Почему?

– Ну... она снова приготовила мясную запеканку. Она же знает – я ее ненавижу!

Что ж, за это ребенка винить никак нельзя. Увы, женщины семейства Хеннесси обожали готовить эту дрянь. Майк выдвинул ящик комода и пробурчал:

– Ну и что же ты сказал?

– Что запеканка на вкус как дерьмо. И еще я сказал, что ты думаешь точно так же.

Майк помолчал, извлекая из ящика белую футболку. Взглянув на свое отражение в зеркале над комодом, спросил:

– Ты так и сказал – слово на букву «д»?

– Ага. А она сказала, что у меня не будет фейерверков. Но ты же все время говоришь слово на букву «д»...

Что правда, то правда. Перебросив футболку через плечо, Майк нагнулся, чтобы лучше рассмотреть воспаленные покрасневшие глаза.

– Мы уже говорили о словах, которые мне можно говорить, а тебе нельзя.

– Знаю. Но у меня просто с языка сорвалось.

– Нужно следить за тем, что срывается с твоего языка.

Трэвис вздохнул:

– Знаю. Я сказал «извини», хотя на самом деле мне нисколько не было жаль. Просто я сказал так, как ты велел говорить девчонкам. Даже самым глупым. Даже, если я прав, а они нет.

Майк невольно вздохнул. Его наставление звучало несколько иначе.

– И что же тебе сказала Мэг? – Майк вытащил из комода пару джинсов «Ливайс». К сожалению, он не мог поступать вопреки действиям сестры. Но, с другой стороны, мальчика не следовало наказывать за то, что он сказал правду.

– Я ведь уже говорил... Она сказала, что не будет фейерверков.

– Я не могу купить тебе фейерверки, если мама сказала «нет». Но постараюсь что-нибудь придумать.

Часом позже Майк сунул пакет с фейерверками за водительское кресло своего грузовичка. В киоске безопасных товаров на парковке при супермаркете хозяйственных товаров «Хэнди Мэн» он купил упаковку обычных фейерверков, а также несколько бенгальских огней и «змей». Купил он их вовсе не для Трэвиса. Он отнесет их к Луи Аллегреца, на барбекю, который тот устраивал по случаю Дня независимости. Вот и выход из положения. Сын Луи, Пит Аллегреца, был приятелем Трэвиса, и Мэг давно уже дала согласие на то, чтобы Трэвис также пошел на барбекю – при условии хорошего поведения. Барбекю назначили на завтра, и, по расчетам Майка, Трэвис способен был вести себя прилично еще один день.

Майк захлопнул дверцу грузовика, и они с Трэвисом пошли к магазину хозяйственных товаров.

– Если будешь хорошо себя вести, разрешу держать бенгальский огонь.

– Эй, парень... – заныл Трэвис. – Ведь бенгальские огни – это для малышей.

– С твоим послужным списком тебе повезет, если тебя вообще не отправят в постель еще до захода солнца. – Солнечные лучи играли в коротко стриженных черных волосах племянника и падали на плечи, обтянутые красной футболкой с изображением Человека-паука. – В последнее время ты совсем от рук отбилсЯ. – Майк распахнул дверь магазина и помахал рукой стоящему за прилавком хозяину. – Мэг очень злится на нас обоих, но у меня есть план.

Уже несколько месяцев Мэг жаловалась, что под кухонной мойкой протекала труба. Вот Майк и решил: если они с Трэвисом починят сифон, Мэг больше не придется подставлять под мойку кастрюлю, и она, возможно, станет более снисходительной. Однако с Мэг никогда не угадаешь. Она была не из числа тех, кто быстро прощал...

Трэвис шаркал подметками кроссовок, шагая следом за дядей; они направлялись в отдел сантехники. В магазине было почти безлюдно; только какая-то супружеская пара присматривала садовый шланг да миссис Вон, учительница Майка, рылась в корзине с разнообразной мебельной фурнитурой. Майк всегда удивлялся, когда видел Лаверну Вон живой и бодро расхаживающей по городу. Ведь она, казалось, была чуть ли не ровесницей мироздания.

Майк выбрал хлорвиниловую трубу и пластиковые шайбы, а его племянник тем временем схватил «пистолет-конопатку» и нацелился на птичью кормушку в дальнем конце прохода – как будто в руках у него был «магнум» сорок пятого калибра.

– Это мы не берем, – сказал ему Майк, протягивая руку к упаковке с клейкой лентой.

Трэвис повертел пистолетом в руках, затем бросил его обратно на полку.

– Пойду погляжу на оленя, – сообщил он и исчез за углом стеллажа. В хозяйственном супермаркете «Хэнди Мэн» имелся большой выбор пластиковых животных, которых можно было поставить у себя в саду. Хотя зачем это делать, если в окрестных лесах разгуливали их живые прототипы? Этого Майк никогда не понимал.

Сунув трубу под мышку, он отправился на поиски племянника, который, как правило, целенаправленно неприятности не выискивал. Но, как и большинство мальчишек семи лет от роду, успешно их находил.

Майк шел по магазину, высматривая племянника, и вдруг замер неподалеку от витрины с метлами и швабрами и расплылся в улыбке. В ряду номер шесть стояла Мэдди Дюпре с желтой коробкой в руках. Ее темные волосы были схвачены сзади одной из этих дурацких заколок, так что казалось, будто на затылке у нее темная перьевая метелка. Майк внимательно ее разглядывал – ведь накануне вечером ему не удалось рассмотреть Мэдди как следует. Сегодня же, в свете флуоресцентных ламп хозяйственного супермаркета, она казалась девушкой с разворота глянцевого журнала – только живой и разговаривающей. Да-да, она выглядела как фотомодель «старой школы» – до всех этих фокусов с диетами и силиконом.

Майк невольно вздрогнул – внизу живота шевельнулось желание. Но с чего бы это? Он ведь ее совсем не знает... Замужем она или одинока? А может, в ее жизни есть мужчина и десять детей, которые ждут ее дома? Но, очевидно, все это не имело значения, потому что его тянуло к ней как магнитом.

– У вас завелись мыши? – спросил он.

– Что? – Мэдди резко подняла голову и, встретившись с ним взглядом, в смущении пробормотала: – О господь всемогущий... вы меня напугали...

– Простите, – сказал Майк, хотя виноватым себя вовсе не чувствовал. Она сейчас отлично смотрелась с расширившимися от испуга глазами, махнув хлорвиниловой трубой в направлении коробки у нее в руках, он спросил: – Беда с мышами?

Мэдди тяжело вздохнула:

– Сегодня утром, когда я варила кофе, мышь пробежала прямо по моей ноге. – Она сморщила носик. – Пролезла под дверь кладовой и исчезла. Наверное, сейчас у нее пир горой – уничтожает запасы моей гранолы.

– Не беспокойтесь, – рассмеялся Майк. – Мышь много не съест.

– Я вообще не хочу, чтобы она что-то у меня съела. Разве что яду. – Она уставилась на коробку, которую держала в руке. Чудесные темные волосы закрывали ее шею, и Майку показалось, что он уловил аромат земляники.

В дальнем конце прохода из-за угла вынырнул Трэвис – и замер как вкопанный. Его нижняя челюсть слегка отвисла, когда он увидел Мэдди. Майку было знакомо это ощущение.

– Тут написано, что может возникнуть запах, если грызуны погибают там, откуда их не достать. Мне решительно не хочется обыскивать весь дом в поисках источника вони. – Она искоса взглянула на Майка. – Интересно, есть ли здесь что-нибудь получше, чем это средство?

– Я бы не рекомендовал липкую ленту. – Он указал на коробку с клейкими пластинами. – Мыши прилипают и ужасно верещат. – И снова пахнуло земляникой. Неужели в магазин привезли освежители воздуха с запахом земляники? – Можете воспользоваться мышеловками, – предложил Майк.

– Правда? Но ведь мышеловки... это жестоко.

– Они могут разрубить мышь пополам, – сообщил Трэвис, уже подошедший к дяде. Он качнулся на пятках и с ухмылкой добавил: – Иногда, когда они тянутся за сыром, раз – и голова отлетает.

– О господи, мальчик... – Мэдди нахмурила брови, бросая взгляд на Трэвиса. – Как это отвратительно...

– Ага... – Трэвис снова ухмыльнулся.

Сунув трубу под мышку, Майк положил свободную руку на макушку племянника и с улыбкой сказал:

– Этот отвратительный парень – мой племянник Трэвис Хеннесси. Трэвис, поздоровайся с Мэдди Дюпре.

Мэдди пожала мальчику руку.

– Рада с тобой познакомиться, Трэвис.

– Ага... Я тоже...

– Спасибо, что напомнили про мышеловки, – продолжала Мэдди. – Буду иметь в виду – на тот случай, если все же решусь на отсечение голов.

Трэвис расплылся в широкой улыбке, обнаруживая отсутствие переднего зуба.

– Прошлым летом я убил прорву мышей, – заявил он. – Так что обращайтесь, если захотите.

Майк взглянул на племянника. Он не мог сказать наверняка, но ему показалось, что семилетний малыш даже стал чуть пошире, раздувшись от гордости.

– Лучший способ избавиться от мышей, – сказал он, не давая Трэвису завратиться еще сильнее, – это завести кошку.

Мэдди со вздохом покачала головой:

– Нет-нет, я и кошки несовместимы.

Его взгляд скользнул по ее губам, и Майк снова подумал о том, что уже давно не целовал таких замечательных губ.

– Уж лучше буду терпеть отрубленные головы у себя на кухне или вонь разлагающихся трупов, – добавила Мэдди.

Она толковала про отрубленные головы и смердящие трупы, а Майк тем временем заводился все сильнее – прямо здесь, в супермаркете хозяйственных товаров «Хэнди Мэн», как будто ему снова было шестнадцать, как будто он совсем не умел держать себя в руках. Но у него ведь бывали красивые женщины, и он давно уже не ребенок... Так что же с ним сейчас происходило?

– Нам предстоят сантехнические работы, – пробормотал Майк, отступая на шаг. – Желаю удачно расправиться с мышами.

– Увидимся, мальчики.

Шагая следом за дядей, Трэвис шепотом сообщил:

– А она милашка... Мне нравится цвет ее волос.

Усмехнувшись, Майк подумал: «Парню всего семь, но он – настоящий Хеннесси».

Глава 3

Пятое сентября, 1976 год

«Дэн сказал, что бросит ради меня жену! Говорил, что с мая спит на тахте. Я только что узнала, что она забеременела в июне. Меня провели, меня обманули! Когда же настанет моя очередь быть счастливой? Единственный человек, который меня любит, – это моя малышка, моя девочка. Сейчас ей три, и она каждый день говорит, что любит меня. Она заслуживает лучшей участи.

Почему Иисус не найдет для нас местечко получше?»

Мэдди закрыла глаза и откинулась на спинку стула. Читая дневники, она обнаружила, что мать питала склонность не только к восклицательным знакам, но и к чужим мужьям. В двадцать четыре года у нее их было уже трое, если считать Лока Хеннесси. И каждый клялся оставить жену ради нее. Но в конце концов они ее «провели и обманули»!

Мэдди швырнула дневник на стол и закинула руки за голову. Помимо чужих мужей, Элис встречалась также и с неженатыми парнями. Но все они оказались мошенниками и обманщиками – бросали ее ради других женщин. Все, кроме Лока. Однако Мэдди не сомневалась: окажется их связь более продолжительной, Лок тоже оказался бы мошенником, как и другие. Мама выбирала только таких, женатых ли, свободных, – но лишь тех мужчин, которые оставляли ее с разбитым сердцем.

В открытые окна задувал легкий ветерок и доносился шум барбекю, который устраивали соседи. Было Четвертое июля, и Трули праздновал вовсю. На домах развевались красно-бело-синие флаги, а утром на Мэйн-стрит прошел парад. В местной газете Мэдди прочла, что в «Шоу-парке» запланировано праздничное мероприятие и будет «впечатляющее зрелище» фейерверков, когда совсем стемнеет.

Она встала и направилась в ванную. Положа руку на сердце – чего «впечатляющего» ждать от маленького городка? Ведь даже в Бойсе, столице штата, и то не дождешься приличного представления.

Она вставила пробку в сливное отверстие глубокой ванны и пустила воду. Соседский смех слышался и здесь – проникал через маленькое окошко над туалетом. Сегодня днем Луи и Лайза Аллегрецца приходили к ней, чтобы пригласить на барбекю. Но Мэдди не очень удавались вежливые разговоры с людьми, которых она не знала, – даже в тех случаях, когда она была в форме. Увы, но в последнее время она была далеко не в лучшей форме...

Обнаружение дневников стало для нее и благословением, и проклятием. В дневниках нашлись ответы на некоторые крайне важные для Мэдди вопросы. Ответы, которые большинству людей известны с самого рождения. Она узнала, что ее отец был из Мадрида и что мать забеременела ею в то лето, когда окончила школу. Отец Мэдди навещал тогда своих родных в Штатах, и обоих настигла безумная «страсть». Когда лето подошло к концу, Алехандро вернулся в Испанию. Элис написала ему несколько писем, чтобы рассказать о своей беременности, но ответа так и не получила. Очевидно, «страсть» была односторонней.

Раздевшись, Мэдди приподняла волосы и заколола большой заколкой на самой макушке. Она давно смирилась с мыслью, что никогда не узнает своего отца, никогда не увидит его лица и не услышит его голос. И он никогда не научит ее кататься на велосипеде или водить машину...

Но теперь, обнаружив дневники, она часто думала: «Жив ли еще Алехандро? Что он подумал бы сейчас обо мне?» Однако ей все равно этого не узнать.

Мэдди подставила под струю воды флакон пены с ароматом немецкого шоколадного торта и взяла тюбик шоколадного скраба для тела. Ей, может быть, безразлично, что трусики у нее не сочетались с лифчиком, и туфли ее не очень-то интересовали, но вот всякие штуки для ванны – это она любила. Ароматное мыло и лосьоны были ее страстью. Дайте ей кремовый скраб на каждый день и масло для тела, – а уж без дизайнерских нарядов она обойдется.

Обнаженная, Мэдди шагнула в ванну и села в теплую благоуханную воду. Вздохнула от удовольствия, погружаясь в пену. Откинув голову на прохладный фарфор, закрыла глаза. У нее была коллекция всех мыслимых ароматов – от розы до яблока, от кофе эспрессо до шоколадного торта. Много лет назад она заключила мир с самой собой, вернее – научилась жить в ладу с той особой, которая обитала в ее теле и обожала чувственные наслаждения.

В ее жизни бывали времена, когда она с жадностью хватала все, что приносило ей удовольствие. Мужчины, десерты и дорогие косметические средства находились в верхних строчках ее списка. В результате у нее образовался весьма узкий взгляд на мужчин и весьма широкий зад. Мягкий и гладкий, но тем не менее слишком уж объемный. В детстве Мэдди отличалась избыточным весом, и ужасная перспектива снова таскать за собой эту непомерную тяжесть заставила ее изменить образ жизни. Осознание того, что перемены необходимы, пришло утром, в день ее рождения, когда она проснулась с расстройством пищеварения после чизкейка и с парнем по имени Дерек. Чизкейк оказался посредственным, а Дерек – и вовсе абсолютным разочарованием.

И тогда Мэдди, по-прежнему гедонистка в душе, стала непрaktикующей гедонисткой. Она все так же наслаждалась кремами и всевозможными ароматами для ванн, но теперь они ей были нужны, чтобы расслабиться и снять стресс.

Мэдди опустилaсь в воду поглубже, пытаясь хоть на время обрести душевный покой. Ее тело наслаждалось лаской пузырьков и теплой водой, но не так-то легко было успокоить мозг, где все время прокручивались события нескольких последних недель. Она значительно продвинулась, восстанавливая хронику давних событий. Составила список имен, упоминавшихся в дневниках матери. Установила немногих ее друзей – тех, которых мама сумела завести в Трули, а также людей, с которыми она работала. Окружной следователь, разбивавший дело в 1978 году, уже умер, зато шериф по-прежнему жил в Трули. Он вышел в отставку, но Мэдди была уверена, что сможет получить от него ценные сведения. У нее имелись газетные отчеты, полицейские доклады, результаты коронерского расследования, а также кое-какая информация о семействе. И теперь оставалось самое главное – поговорить с каждым из тех, кто, так или иначе, был причастен к жизни и смерти ее матери.

Мэдди узнала, что в городе до сих пор жили две женщины, с которыми мама работала. Она решила, что с них и начнет на следующий день – прямо с утра. «Давно пора поговорить с этими людьми», – сказала она себе.

Теплая вода и ароматная пена ласкали ее живот и груди. Когда Мэдди читала дневники, ей казалось, что она слышала мамин голос – впервые за двадцать девять лет. Элис писала, как страшно ей стало, когда она поняла, что беременна и брошена. Писала и о том, как радовалась рождению Мэдди. Читать о надеждах и мечтах матери – это было и радостью, и мукой, от которой разрывалось сердце. Однако, несмотря на радость и разрывающую сердце боль, Мэдди поняла, что ее мама вовсе не была белокурым голубоглазым ангелом, которого она придумала в детских мечтах и поселила в своем сердце. Элис была из тех женщин, которые не могут обойтись без мужчин: без них они чувствуют себя никчемными. Такие вечно в беде, в непрерывном ожидании чуда...

А вот Мэдди никогда не чувствовала себя в бедственном положении и не могла припомнить, чтобы когда-нибудь страдала наивностью или чрезмерным оптимизмом из-за чего бы то ни было. Даже в детстве. Выходит, у нее не было абсолютно ничего общего с той жен-

щиной, которая дала ей жизнь. Ничего не связывало ее с матерью. И, как ни странно, это открытие оказалось для Мэдди страшным ударом.

Уже давно, только начиная жить, она окружила свою душу крепкой скорлупой. Подобная невозмутимость оказалась очень полезной и в ее работе. Но сейчас эта скорлупа дала трещину, и Мэдди почувствовала себя ранимой и незащищенной. Вот только... Незащищенная – от чего? Этого она не знала, но все равно нервничала. Было бы куда легче, если бы она забросила эти дневники и села бы писать о психопате по имени Родди Дурбан. Она начала писать об этом маленьком ублюдке, который убивал проституток – количество жертв перевалило за двадцать, – как раз перед тем, как обнаружила дневники. Писать о Родди было в миллион раз проще, чем о собственной матери. Но уже в ту ночь, когда Мэдди принесла домой дневники, она подозревала: обратного хода не будет. Ее карьера, пусть и не просчитанная на все сто, все же не была случайностью. У Мэдди был настоящий талант писать о преступлениях. И вот, разбирая мамин почерк, она уже отчетливо понимала: пришло время написать о том преступлении, которое Элис Джонс стоило жизни.

Мэдди выключила ногой воду и потянулась за скрабом, который поставила на край ванны. Вытрясла густую сахаристую жидкость себе на ладонь. Аромат шоколадного торта щекотал ноздри. И тут вдруг пришло воспоминание: она стоит на стуле возле мамы и помещивает шоколадный пудинг на плите. Мэдди не могла вспомнить, сколько лет ей тогда было и где они жили. Воспоминание было мимолетным – как клочок тумана, но и оно нанесло чувствительный удар, так что сердце болезненно сжалось.

Пузыри пены льнули к груди, когда она села и перебросила ноги через край ванны. Очевидно, сегодня не найти покоя и утешения, которые она обычно находила в купании. Мэдди быстро растерла скрабом руки и ноги. Закончив, выбралась из ванны и вытерлась насухо. Затем нанесла на тело благоухающий шоколадом лосьон.

Бросив одежду в корзину, она пошла в спальню. Три ее ближайшие подружки жили в Бойсе, и она скучала по совместным ленчам, обедам и импровизированным заседаниям, где можно было всласть почесать языки. Ее подружки – Луси, Клер и Адель – были ей вместо семьи. Она могла бы отдать им почку или ссудить деньги. Мэдди была совершенно уверена, что они отплатили бы ей той же монетой.

В прошлом году, когда Клер застучала своего жениха с каким-то мужчиной, подружки бросились к ней домой, чтобы уговорить не делать глупостей. Из всех четверых у Клер было самое доброе сердце, и она была очень ранима. А еще она сочиняла любовные романы и верила в настоящую любовь. После «предательства» жениха бедняжка на некоторое время потеряла веру в любовь, пока в ее жизни не появился репортер по имени Себастьян Возн, возродивший в Клер эту веру. Себастьян стал ее романтическим героем, и в сентябре они собирались пожениться. Через несколько дней Мэдди как раз нужно было ехать в Бойсе, чтобы примерить платье подружки невесты.

Опять одна из ее подруг выставит себя на всеобщее обозрение в церкви, вырядившись в нелепое платье! Годом раньше Мэдди побывала подружкой невесты на свадьбе Луси. Луси писала о всяческих загадках и тайнах и познакомилась со своим будущим мужем Куином, когда тот принял ее за серийную убийцу. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что Куин не стал ломать голову из-за такой ерунды, как убийства, грозившие встать между ним и Луси. В результате из четырех подруг незамужними остались только она сама и Адель. Мэдди натянула черные хлопчатобумажные трусики и бросила полотенце на постель. Адель зарабатывала на жизнь тем, что сочиняла романы в стиле фэнтези. У нее уже были проблемы с ее парнем, но, как полагала Мэдди, Адель скорее всего выйдет замуж раньше, чем она.

Натянув объемистые чашки бюстгалтера на свои немаленькие груди, Мэдди застегнула застегжку на спине. Собственно, она никогда не представляла себя замужней женщиной. Иметь детей ей хотелось примерно так же, как завести кошку. А мужчина был ей нужен

лишь тогда, когда возникала необходимость перенести с места на место что-то тяжелое; или же в тех случаях, когда ей хотелось ощутить рядом с собой теплое обнаженное тело. Но теперь у нее имелась ручная тележка, а также появился «Карлос» – так она называла искусственный фаллос-вибратор. И Мэдди прибегала к их помощи, будь то необходимость поднять какую-нибудь тяжесть или обрести сексуальное удовлетворение. Если честно, и то и другое средство были хуже настоящего мужика. Но зато, когда дело было сделано, тележка отправлялась назад в гараж, а «дружок» прятался в ящик ночного столика. Оба спокойно ждали на своих местах и не делали гадостей, не играли с ее сердцем и не пытались обмануть – беспроектный вариант!

Натянув джинсы, Мэдди сунула руки в рукава своей любимой толстовки с капюшоном. У нее не было инстинктов, одолевавших других женщин. В душе не тикали часы, заставлявшие некоторых бросаться в замужество с последующим рождением детей. Что, конечно, не означало, будто ей не бывало одиноко. Разумеется, бывало.

Сунув ноги в шлепанцы, Мэдди вышла из спальни и пошла через гостиную на кухню. Шум соседской вечеринки становился все громче. Мэдди потянулась к холодильнику. Голоса плыли по воздуху, залетая в открытые окна. Она взяла бутылку сухого мерло. Да, она была одна и одинока, и ей сейчас было жаль себя. Что вообще-то на нее не похоже. Мэдди никогда себя не жалела. В мире слишком много людей, у которых были настоящие беды.

Раздался громкий треск, и Мэдди чуть не выронила штопор.

– О черт... – пробурчала она, прижав свободную руку к сердцу.

За стеклянными дверями, ведущими на террасу, Мэдди увидела бледные сумерки и темнеющую поверхность обычно изумрудно-зеленого озера. Она налила в бокал красного вина, вышла на террасу и поставила бокал на перила. На соседской террасе и на пляже внизу толпились люди. А вдоль кромки воды из песка торчали три трубы, нацеленные в небо, точно минометные стволы. Дети же держали в руках бенгальские огни. Кто-то из взрослых следил за детьми, а другие поджигали новые шашки и что-то еще, взрывавшееся пульсирующими разноцветными огнями. Разноцветный дым от фейерверков окутал весь пляж, и дети носились в цветном тумане словно вырвавшиеся из бутылок на свободу маленькие джинны.

Среди дыма и всеобщего хаоса стоял Майк Хеннесси – стоял в профиль к Мэдди, зажав в зубах трут, который выглядел как длинная тонкая сигарета. Мэдди узнала его по развороту широких плеч и черным волосам. Уже знакомый ей мальчик стоял с ним рядом, не сводя с Майка глаз. Тот подал племяннику зажженный бенгальский огонь, и Трэвис, развернувшись на одной ноге, начал размахивать им во все стороны. Вытащив изо рта трут, Майк сказал что-то Трэвису. Мальчик немедленно успокоился и замер на месте, держа бенгальский огонь прямо перед собой.

Мэдди сделала глоток вина. Вчерашняя встреча с Майком в хозяйственном супермаркете стала для нее шоком. Она была так занята коробкой с отравленной приманкой, что заметила его лишь тогда, когда он встал рядом с ней. Взглянула прямо в его голубые глаза – точно так же, как у его отца – и, не сдержавшись, пробормотала: «Господь всемогущий...»

Мэдди поставила бокал на перила. Она по-прежнему наблюдала за Майком и его племянником. Наблюдала – и не знала, что о нем думать. Дело не в том, что она знала слишком мало, чтобы составить о нем мнение. Да и не важно все это. Книга, которую она собиралась писать, имела отношение не к нему, а к любовному треугольнику – Лок, Роуз, Элис. А Майк, как и сама Мэдди, всего лишь невинная жертва.

Луи Аллегредца и еще двое мужчин опустили на колени возле самой воды и воткнули ракеты в бутылки из-под содовой. Затем стали поджигать запалы один за другим, и Мэдди увидела, как высоко в небо взлетали ракеты, потом взрывавшиеся над водой.

– Осторожно, не подпускай детей близко! – крикнула мужу Лайза.

– От этих никому не будет вреда! – крикнул Луи в ответ, перезаряжая бутылки.

Четыре ракеты взвились в воздух сразу же, а пятая полетела прямо на Мэдди. Она бросилась на пол, и ракета просвистела прямо над ее головой.

– Черт побери! – вырвалось у нее.

Ракета приземлилась за спиной Мэдди и взорвалась. Стук сердца глухо отдавался у нее в ушах, когда она встала и глянула поверх перил.

– Простите! – закричал Луи.

Майк Хеннеси повернул голову и несколько секунд пристально смотрел на нее сквозь сумерки наступающей ночи. Темные брови приподнялись – он явно удивился, увидев ее здесь. Затем, качнувшись на каблуках, рассмеялся – как будто все это было ужасно забавно. Ямочки на щеках, веселье в сияющих голубых глазах создавали ложное впечатление – казалось, что этот парень надежен и безобиден как бойскаут. Впрочем, безобидные бойскауты носили свои бежевые рубашки застегнутыми на все пуговицы и заправленными в брюки. Бойскаут не оставил бы рубашку нараспашку, открыв свой плоский живот и ласкающую взгляд – и язык! – поросль волос, сбегавшую вниз по груди, огибавшую пупок и исчезающую под ремнем джинсов. Впрочем, ей-то не грозило ласкать его языком. Ни в каких местах. Однако тот факт, что Майк был именно тем, кем являлся, вовсе не означал, что у нее, Мэдди, не было глаз.

– Луи, предупреждай нас, когда собираешься взрывать эти штуки, – громко сказала Лайза. – Идите сюда, Мэдди, – добавила она. – Здесь безопаснее.

С трудом оторвав взгляд от груди Майка, Мэдди окинула взглядом соседский двор. С точки зрения безопасности менять собственную террасу на соседскую не имело особого смысла. Зато зрелище – грудь Майка, конечно же! – было самым потрясающим из всего, что ей довелось видеть в течение многих недель. К тому же было очевидно: ей до чертиков наскучило сидеть одной.

Мэдди взяла свой бокал и быстро перешла к соседям. Ее представили Софи, дочери Луи, и ее друзьям – они жили в Бойсе и учились в тамошнем университете, но решили провести этот уик-энд в Трули. Она познакомилась также с несколькими соседями, жившими неподалеку: маленькой блондинкой Таней Кинг, которая выглядела так, будто вот-вот свалится со своих каблуков, и Сюзанной Портер, муж которой Гленн и сын-тинейджер Дональд запускали на пляже фейерверки. Потом Мэдди потеряла счет именам и уже не могла вспомнить, кто есть кто, где эти люди живут и сколько времени прожили в городе. Однако мать Луи и его тетку Наркиссу – дамы сидели с гримасами неодобрения, оживленно переговариваясь на баскском наречии, – Мэдди прекрасно запомнила, ибо их просто невозможно было забыть.

– Не хотите ли еще вина? – спросила Лайза. – У меня есть баскское красное и шабли. Но если хотите, то можно и пиво или кока-колу.

– Нет, спасибо. – Мэдди подняла свой еще наполовину полный бокал, чтобы показать Лайзе. – Сегодня обойдусь и этим. – На завтра ей нужно было встать пораньше и засесть за работу, а от вина у нее часто болела голова.

– До того как я вышла за Луи и родила Пита, все эти барбекю на Четвертое июля были сущим сумасшествием, – сказала Лайза. – Спиртное рекой – и жуткие фейерверки...

Насколько видела Мэдди, вряд ли многое с тех пор изменилось.

Последней, с кем ее познакомили, была Делани, невестка Лайзы, которая, казалось, находилась на двенадцатом месяце беременности – не меньше.

– Не раньше сентября, – сообщила она Мэдди, словно угадав ее мысли.

– Вы шутите...

– Нет-нет. – Делани со смехом покачала головой, и белокурый хвост волос обмахнул ее шею. – У меня девочки-близняшки. – Она указала в направлении пляжа. – А вон мой муж Ник. Рядом с Луи. Из него выйдет замечательный отец.

Будущий замечательный отец, казалось, почувствовал обращенный на него взгляд, потому что немедленно завертел головой в поисках жены. Высокий и невероятно красивый, он был единственный, кто здесь мог бы составить конкуренцию Майку. Но тут он наконец отыскал взглядом супругу – и на этом «соревнование» закончилось. Что может быть сексуального в мужчине, который смотрит только на свою жену?

– Дорогая, ты в порядке?! – крикнул Найк Аллегрецца.

– Бога ради... – проворчала Делани. Затем крикнула в ответ: – Да, в полном!

– А может, тебе сесть?! – спросил Ник.

Она помотала головой:

– Нет, со мной все в порядке!

Мэдди отыскала взглядом Майка – тот, опустившись на одно колено, помогал Трэвису поджечь запал ракеты. «Интересно, – подумала она, – смотрел ли он когда-нибудь лишь на одну-единственную женщину? Или пошел в папашу, стреляет глазами направо и налево?»

– Огонь! – закричал Луи, и Мэдди увидела, как со свистом стали взрываться в небо ракеты.

На сей раз ни одна из ракет не летела ей в голову, все благополучно взрывались над озером – сущее облегчение для ее тревожно бьющегося сердца. Несколько лет назад, на занятии по самозащите, Мэдди вызвалась добровольно испытать на себе удар электрошокера – так что ее не назовешь трусливой курицей. Однако от этих ужасных ракет ей было не по себе.

– На прошлой неделе у меня были схватки, и доктор сказал, что малышки, возможно, явятся раньше срока, – проговорила вдруг Делани. – Ник сходит с ума, а я не беспокоюсь. Мы прошли все круги ада ради этих девчонок. Самое тяжелое позади. Теперь все будет отлично.

Бо́льшую часть своей взрослой жизни Мэдди всеми возможными средствами старалась избежать беременности и теперь удивлялась: что же такое пришлось вынести Делани? Но спрашивать она не стала – ведь они были едва знакомы.

– Да, вам обоим досталось... – Лайза погладила живот невестки. – Но у меня такое чувство, что две эти девочки, появившись одновременно, когда-нибудь помогут тебе осознать, что ты прошла еще не все круги ада.

– Не будет никаких проблем. Ник не выпустит девочек из поля зрения, пока им не исполнится двадцать один год. Из страха, что им попадутся парни вроде него самого.

Сюзанна подняла бокал белого вина и со смехом сказала:

– Никогда не думала, что Ник остепенится и обзаведется женой. Когда он рос, был совсем без тормозов. Как и Луи.

– С Луи было все в порядке, – вступилась за мужа Лайза, хмуря брови.

– Но ведь все звали его Чумовой Луи. И не без причины, – напомнила невестке Делани. – Он украл свою первую машину, когда ему было... сколько, десять?

– Да, верно. А Ник сидел в машине вместе с Луи, в пассажирском кресле. – Лайза фыркнула. – Вообще-то он машины не крал. Просто брал на несколько часов.

Делани вытаращила на нее глаза.

– Ты сама-то слышишь, что говоришь?

Лайза пожала плечами:

– Но это же правда... у Ника хватало своих дурных идей. Помнишь то ужасное сражение в снежки?

– Да, разумеется. Но теперь Нику не нужно швырять в меня разные предметы, чтобы добиться внимания. – Улыбнувшись, Делани сложила руки поверх своего огромного живота. – Иногда он бывает слегка чокнутым, но совсем не так, как когда-то в школе.

– В каждом классе найдется хотя бы один такой. В выпуске девяностого это был Майк Хеннеси, – заявила Сюзанна. – С ним вечно что-то случалось. В восьмом классе он ударил мистера Шокера прямо по лицу.

Мэдди с невозмутимым видом сделала глоток вина – ни к чему им видеть, как она навострила уши.

– Уверена, что мистер Шокер это заслужил, – заступилась Лайза за Майка. – Он заставлял нас нарезать круги на стадионе даже во время месячных. Садист!

– Лайза, у тебя вечно были эти месячные, – напомнила ей Делани. – Даже в первом классе. И вообще готова поклясться, ты даже дьявола стала бы защищать.

Лайза пожала плечами:

– Я только говорю, что Майк стал сущим ангелом, если учесть, через что ему пришлось пройти ребенком.

Мэдди не знала, через что пришлось пройти Майку, но вполне могла догадаться.

– Я не знала, каким Майк был в детстве, но слышала... всякие истории. – Таня взяла свой бокал и сделала глоток. – Но теперь он просто восхитительный. – Сквозь стекло бокала можно было видеть усмешку Тани, не оставлявшую почти никаких сомнений в том, что она-то знала, насколько Майк «восхитительный».

– Осторожнее, Таня. Майк пошел в отца, – предостерегла ее Сюзанна. – Он не из тех парней, кто верен одной женщине. В прошлом году Синди Ларсон думала, что она у него одна, а он крутил еще с несколькими девицами одновременно.

«Но вот в чем разница, – подумала Мэдди. – Майк-то не женат, в отличие от своего папаши».

– Я развелась всего лишь год назад. – На миниатюрной Тане было открытое летнее платье без бретелек, и она повела обнаженным плечиком. – И я не настаиваю на эксклюзивной связи.

Мэдди отпила вина и мысленно сделала отметку. Конечно, отношения Майка с женщинами ее не интересовали ни с профессиональной, ни с личной точки зрения. Просто ей было любопытно. Интересно, каким было детство Майка и его сестры? Лучше, чем у нее? Судя по тому, что она только что услышала, – вряд ли.

Подойдя к перилам веранды, Сюзанна крикнула:

– Дональд, смотри, чтобы большие ракеты падали в озеро! – Она обернулась, и взгляд ее зеленых глаз остановился на Мэдди. – Скажите, у вас есть дети?

Мэдди отрицательно покачала головой:

– Нет, нету. – Не стой она сейчас рядом с беременной женщиной, возможно, добавила бы, что вряд ли когда-нибудь захочет иметь детей.

– А чем вы зарабатываете на жизнь?

Мэдди знала, что если ответит честно, то навлечет массу вопросов, отвечать на которые ей скорее всего не захочется, особенно на барбекю по случаю Дня независимости. К тому же сейчас к ней направлялись Майк и Трэвис. Полы рубахи Майка слегка развевались, приковывая взгляды всех женщин – и Мэдди не была исключением – к его джинсам, низко сидевшим на бедрах.

Да-да, никаких сомнений: Майк Хеннесси являлся воплощением идеала мужской красоты, что для любой женщины было как удар кирпичом по лбу. Он шел прямо к ней, и она бы сильно соврала себе, если бы притворилась, что этот жаркий парень ее вовсе не заводит. Другим Мэдди умела врать, но себе – никогда.

Глава 4

– Огонь! – снова закричал Луи, и несколько ракет со свистом вонзились в небо, избавляя Мэдди от необходимости выдумывать то ли полуправду, то ли стопроцентную ложь.

Эти ракеты были мощнее предыдущих, и взорвались они, выпуская облака цветных искр. Луи пустил в действие тяжелую артиллерию, однако никто, похоже, не встревожился. Никто, за исключением Мэдди.

– Я хочу остаться здесь, на пляже! – возмутился Трэвис, когда Майк повел его и Пита вверх по ступенькам, ведущим к террасе.

– Скоро начнется «большой салют», – сказал Майк. – Вы же знаете, что детям положено уйти туда, где безопасно.

Большой салют? Мэдди взяла свой бокал и осушила его до дна. «Интересно, – подумала она, – не хочет ли Майк вывести женщин из затруднительного положения и застегнуть рубашку?» Конечно, днем было жарко, но сейчас воздух становился прохладным.

– Дональд тоже ребенок... – хныкал Пит.

– Дональду четырнадцать, – возразила Лайза. – Если будешь спорить, я посажу тебя возле бабушки и тети Наркиссы.

Пит проворно шлепнулся на ступеньки.

– Я останусь здесь! – заявил он.

Трэвис сел рядом с ним, но ни тот ни другой явно не были в восторге от того, что их загнали на террасу.

– Привет, Майк! – крикнула Таня.

Он повернул голову, но посмотрел не на Таню, а на Мэдди. Несколько мгновений Майк не отводил от нее глаз, затем перевел взгляд на миниатюрную красотку.

– Привет, Таня. Как дела?

– Отлично. У меня еще остался солодовый «Бушмилс». Что ты делаешь после шоу?

– Нужно отвезти Трэвиса домой, потом пойду на работу, – ответил Майк. – Так что как-нибудь в другой раз.

Он прошел к кулеру, поднял белую крышку, и его рубашка распахнулась еще шире.

– Эй, Трэвис и Пит! – крикнул он. – Не желаете ли шипучки?!

Оба мальчика разом подскочили к Майку.

– Да!

– Конечно!

Расплескивая воду и разгребая лед в охлаждающей емкости, Майк вытащил две банки «Хайерс» и бросил мальчишкам, жадно тянувшим к нему руки. Потом извлек банку «Ред Булл» и водрузил крышку на место.

– Мэдди, вы знакомы с Майком Хеннеси? – спросила Лайза.

Мэдди кивнула:

– Да, мы встречались. – И она протянула Майку руку, хотя это было не в ее правилах.

Он улыбнулся и коснулся ее пальцев своей мокрой прохладной ладонью.

– Ну, сколько мышей сегодня убили?

– Ни одной. – Она не знала, намеренно ли он это сделал, однако легкое прикосновение его пальцев к ее запястью разлилось по всему телу жарким покалыванием. Настоящее сексуальное возбуждение – такого она не чувствовала уже много лет. – Увы, пока ни одной дохлой мыши. Но я надеюсь, что прямо в эту минуту они испускают предсмертные хрипы.

Мэдди отдернула руку. Отдернула, чтобы не забыть окончательно, кто он такой и зачем она сама явилась в этот город. А он, когда узнает, кто она такая, вряд ли станет брать ее за руку столь волнующим образом. Впрочем, не очень-то и надо.

– Вызовите специалиста по истреблению грызунов, – посоветовал Майк.

Мэдди уже звонила специалисту, и за целый месяц он так и не добрался до ее дома.

– Только не вызывайте кого попало, – предупредила Лайза. – Здешние плотники и истребители грызунов работают «от звонка до звонка». У них есть обыкновение бросать работу часа в три.

– Да, самое время попить пива. Три часа – «время “Миллер”»!

– Да уж... – кивнула Лайза. Тут ее позвала свекровь, и она пробормотала: – Отойду с вашего позволения.

– Могу дать телефон человека, который точно придет, если пообещает. – Майк откупорил банку «Ред Булл». – И останется, пока все не сделает.

– Пусть ваш муж или друг займется проблемой мышей, – подсказала Таня.

Мэдди взглянула на нее и вдруг поняла, как изменилось настроение Тани после того, как на веранду явился Майк. Дружелюбие ее вмиг улетучилось, и Мэдди была почти уверена, что Таня вряд ли станет ей хорошей подругой.

– У меня нет бойфренда, и я никогда не была замужем.

– Никогда?.. – Таня в изумлении уставилась на нее – будто она была какой-то странной ошибкой природы.

– Верится с трудом, да? – Мэдди усмехнулась. Тане нечего беспокоиться. Майк Хеннеси был последним мужчиной на планете, с которым ей захотелось бы закрутить роман. Даже несмотря на манящую полоску волос у него на груди. – Я слишком завидная добыча.

Майк хмыкнул и сделал глоток пива. Потом взглянул на нее поверх жестяной банки «Ред Булл», и в сгущавшихся сумерках Мэдди все-таки смогла увидеть, как от смеха в уголках его голубых глаз собирались морщинки.

Улыбнувшись в ответ, она решила, что самое время сменить тему.

– Ну как, удалось вам вышвырнуть Дарлу из «Морта» с голой задницей?

Опустив банку, Майк слизнул каплю влаги с нижней губы.

– Нет. Она вела себя паинькой.

– Что, дамы по-прежнему сбрасывают трусики? – поинтересовалась Делани.

– Слава богу, не так часто. – Покачав головой, Майк усмехнулся, сверкнув в темноте белозубой улыбкой. – Поверьте, выводить из бара пьяных полураздетых женщин – это совсем не так весело, как можно подумать.

Мэдди рассмеялась. Ни за что на свете она не могла бы предположить, что Майк Хеннеси покажется ей столь неотразимо обаятельным.

– А как часто это случается? – поинтересовалась она.

Майк пожал плечами:

– «Морт» был настоящим притоном, пока я не взял дело в свои руки. Но есть и такие, которые до сих пор не смирились с новыми порядками.

– Они так и не привыкли, что вместо «Тексако» Джонсона у нас теперь «Топливная компания» Гровера. – Делани тяжело вздохнула. – Ноги ужасно болят...

– Огонь! – заорал Луи за секунду до того, как взлетел целый шквал ракет.

Повернувшись, Мэдди подняла глаза к небу и проводила взглядом искрившиеся во тьме ракеты. Тихий смех Майка за ее спиной почти потонул в грохоте салюта. Когда же она обернулась, он уже ушел с террасы, чтобы помочь Делани найти стул. Таня потащилась вслед за ними, и Мэдди совсем не жалела, что она ушла. Эта дамочка сначала была такой милой – и в один миг из-за мужчины сделалась стервозной ведьмой. Этому Мэдди никогда не понимала. На свете полным-полно мужчин, так зачем же сходить с ума из-за одного-единственного? Тем более что этот «единственный» пользовался репутацией ветреника... Что называется, «переспал и отвалил». То есть Мэдди вовсе не ставила это свойство мужчине в

упрек, просто она не понимала женщин, которые легко теряли голову. Несколько свиданий, хороший секс – и они по уши влюблены. Как это может быть? Как такое вообще возможно?

Софи Аллегрецца и ее друзья подошли к перилам и стали позади Мэдди, чтобы лучше видеть салют. Мэдди поставила свой бокал на перила и тоже стала смотреть, как Луи снаряжал три больших ствола. Ей не нужен мужчина для того, чтобы повысить свою самооценку и чувствовать, что жизнь удалась. Она не такая, как ее мать.

– Огонь! – На этот раз громкий свист раздался за несколько секунд до того, как из стволов вырвались три снаряда и поочередно взорвались с оглушительным грохотом.

Испугавшись, Мэдди отскочила назад и натолкнулась на что-то твердое. Крепкие руки подхватили ее в тот момент, когда огненные вспышки пролились на озеро зеленым, золотым и красным дождем.

– Простите. – Обернувшись, она увидела прямо перед собой тонувшее в полумраке лицо Майка.

– Ничего страшного, – ответил он. И почему-то продолжал держать Мэдди. – Скажите-ка мне вот что...

– Что именно? – насторожилась Мэдди.

И в тот же миг она услышала его тихий голос прямо над ухом:

– Если вы – такая завидная добыча, то почему же вас до сих пор никто не поймал? – Его теплое дыхание пощекотало ей висок, затем скользнуло вниз по шее.

– Вероятно, по той же самой причине, что и вас.

– Не понял.

– Ну, вы ведь тоже не хотите, чтобы вас поймали, верно?

– Дорогуша, все женщины мечтают быть пойманными. – Его ладони скользнули вниз, к ее локтям, затем снова вверх, по руке. – Все женщины мечтают о белом свадебном платье, заборе из штакетника и об отце для своих детей.

– Говорите, все? Вы что, знакомы со всеми женщинами на свете?

Ей показалось, что он улыбнулся.

– Я их повидал достаточно.

– Да, мне говорили.

– Не следует верить всему, что вам говорят.

– А вам не следует верить, что все женщины только и мечтают о том, чтобы завести личного самца-производителя.

– И вы не хотите, чтобы я стал вашим личным самцом-производителем?

– Нет, не хочу. И это вас шокирует, правда?

Он рассмеялся. И этот тихий рокошующий смех отдавался у нее в висках.

– От вас вкусно пахнет. – Она почувствовала, как он потянул носом воздух.

– «Немецкий шоколадный торт».

– Что?..

– «Немецкий шоколадный торт» – это для ванны.

– Сто лет не ел немецкого шоколадного торта. – Мэдди ошибалась, когда думала, будто прикосновение его пальцев было ее самым острым сексуальным переживанием за долгое время. Вот это – легкое дуновение в волосы, прикосновение рук к плечам – грозило довести до оргазма. Что делало ее в собственных глазах особенно жалкой. – Вы пробуждаете у меня аппетит, – прошептал он ей в ухо.

– Страсть к тортам? К десертам?

Его ладони легли ей на плечи, затем снова скользнули к локтям.

– Нет, к главным блюдам.

– Дядя Майк! – позвал Трэвис – Когда начнется городской салют?

Майк поднял голову. На мгновение его руки сжали ее еще крепче, а потом она оказалась на свободе.

– С минуты на минуту, – ответил он, отходя от Мэдди.

Секунду спустя земля вздрогнула от серии мощных залпов, и ночное небо вспыхнуло огромными шарами разноцветных огней. Софи Аллегрецца нажала кнопку стереосистемы, и ночь наполнилась звуками акустической гитары Джими Хендрикса, выводившей национальный гимн – «Звездно-полосатое знамя». Лесные обитатели попрятались кто куда, когда над озером десятками стали взрываться ракеты, запущенные со всех сторон, – они состязались с пиротехническими чудесами, которые устраивали городские власти.

Добро пожаловать в Трули! Шок и благоговение!

– Весело тебе было, Трэвис?

Из другого угла грузовика последовал затяжной зевок.

– Ага... Может быть, на следующий год я смогу запустить большой фейерверк.

– Может быть. Если будешь держаться подальше от неприятностей.

– Мама сказала, что если я буду хорошо себя вести, то смогу завести щенка.

Майк свернул в переулок и вскоре остановил машину возле дома Мэг, рядом с ее «форм-дом-таурис». Собака – это удачная мысль. Мальчику нужна собака.

– Какого щенка тебе бы хотелось?

– Мне нравятся черные с белыми пятнами.

В доме горел свет, и единственная лампа освещала веранду. Они вместе вышли из машины и направились к ступенькам. Близилась полночь, и Трэвис едва волочил ноги.

– И как долго тебе нужно продержаться?

– Один месяц.

Мальчишка и недели не мог прожить, чтобы у него не возникало проблем с матерью.

– Что ж, просто придержи язык. Тогда, возможно, все получится. – Майк распахнул дверь перед племянником.

Мэг сидела на кушетке в белой ночной рубашке и пушистом розовом халате. Слезы лились из ее зеленых глаз, когда она оторвала взгляд от того, что было зажато в ее руке. Вымученная улыбка заиграла у нее на губах, и страх тяжелой ношей лег на плечи Майка. Было ясно: сегодня – одна из «этих ночей».

– Ты видела салют? – Трэвис если и заметил слезы матери, то виду не подал.

– Нет, милый, я не выходила. Но я слышала. – Она встала, и Трэвис обхватил ее руками.

– Салют был такой огромный!..

– Ты хорошо себя вел? – Мэг положила ладонь на макушку сына и взглянула на брата.

– Да, хорошо, – ответил Трэвис, и Майк утвердительно кивнул.

– Замечательно. Ты послушный мальчик.

Трэвис поднял голову.

– Пит сказал, что я мог бы остаться у него на ночь, а его мама сказала: «Как-нибудь в другой раз».

– Посмотрим. – Как и их мать, Мэг была красавицей с гладкой белой кожей и длинными черными волосами. И, как у матери, ее настроение менялось самым непредсказуемым образом. – Надевай пижаму и иди спать. Через минуту я приду поцеловать тебя на ночь.

– Ладно, – сказал Трэвис, зевая. – Спокойной ночи, дядя Майк.

– Спокойной ночи, приятель. – Майк едва не поддался порыву – хотелось немедленно сбежать от сестры. Сбежать подальше от того, что сейчас неминуемо произойдет.

Мэг проводила сына взглядом, потом протянула к брату руку и разжала пальцы.

– Вот... Я нашла мамино обручальное кольцо.

– Мэг, дорогая...

– В тот вечер она сняла его и оставила на ночном столике, прежде чем пойти в бар. До этого она его никогда не снимала.

– Я думал, что ты никогда больше не будешь рыться в ее вещах.

– Я и не рылась. – Мэг зажала кольцо в кулаке и прикусила ноготь большого пальца. – Оно было среди украшений бабушки Лорейн. Я нашла его, когда искала ее ожерелье с четырехлистным клевером. То самое, которое она носила не снимая, потому что оно приносило удачу. Я хотела надеть его завтра на работу.

Боже, как он не любил, когда на сестру накатывало что-нибудь такое... Майк был пятью годами младше Мэг, но ему всегда казалось, что он – ее старший брат.

Ее большие зеленые глаза пристально посмотрели на него, а руки бессильно опустились.

– Майк, неужели папа действительно хотел нас бросить?

Черт, откуда ему знать? Этого не знал никто, кроме самого Лока, а он давно в могиле. Умер, похоронен и оставлен в прошлом. Почему Мэг никак не может все это забыть?

Ей тогда уже исполнилось десять. Исполнилось за несколько месяцев до того, как мать вечером зарядила короткоствольный револьвер тридцать восьмого калибра и всадила шесть пуль в их отца и юную официантку по имени Элис Джонс. Мэг помнила слишком много о том вечере двадцатидевятилетней давности, когда мать не просто убила Лока и его любовницу. Слишком много она помнила о том вечере, когда мать сунула ствол револьвера себе в рот и спустила курок, убив заодно и себя. Увы, Мэг так и не оправилась от этого кошмара.

– Я не знаю, Мэгги. Бабушка так не думала. – Но это не значило ровным счетом ничего. Лорейн всегда закрывала глаза и затыкала уши, если дело касалось многочисленных романов ее мужа и сына. А позже – и всего того, что вытворял сам Майк. Всю жизнь она прожила, отрицая очевидное. Ей легче было делать вид, что все прекрасно. Хотя ничего хорошего вокруг нее не было.

– Но ведь бабушка тогда с нами не жила. Она не знала, как все было. И ты не знал. Слишком был маленький. Ты не помнишь.

– Я помню достаточно. – Майк потер виски. Они с сестрой уже много раз говорили об этом, но безрезультатно. – Да и какая теперь разница?..

– Майк, неужели он больше не любил нас?

Он уронил руки, чувствуя, как нарастает тупая боль где-то в области затылка. «Пожалуйста, прекрати!» – мысленно кричал он сестре.

По ее щекам текли слезы.

– Если он по-прежнему нас любил, зачем же она его застрелила? – продолжала Мэг. – У него ведь и раньше были связи на стороне. Все в городе знали, что у него было множество романов.

Майк подошел к сестре и положил руки ей на плечи.

– Мэгги, забудь.

– Я пыталась. Я пыталась быть такой, как ты, и иногда у меня получается, но... Почему ее не похоронили с обручальным кольцом?

Главный вопрос заключался в том, зачем она зарядила револьвер. Неужели действительно хотела убить? Или просто решила напугать мужа и его юную любовницу? Ох, ломать над этим голову – значит потерять рассудок, вот и все.

– Теперь уже не важно. Наша жизнь не осталась в прошлом, Мэг.

Сестра тяжело вздохнула:

– Ты прав. Я спрячу кольцо и забуду о нем. – Она сокрушенно покачала головой. – Просто иногда случается, что никак не могу выбросить все это из головы.

Майк крепко обнял сестру и прижал к груди.

– Я знаю, Мэгги.

– И мне становится так страшно.

Ему тоже становилось страшно. Он боялся, что сестру увлечет та же адская воронка, которая засосала их мать и из которой бедняжка так и не выбралась. Майку не давала покоя мысль: неужели мать ни разу не вспомнила о них с Мэг? Думала ли она, какое опустошение, какие утраты повлечет за собой ее безрассудство? Когда мать в тот вечер заряжала револьвер, мелькнула ли у нее хоть тень мысли, что она оставит сиротами своих детей, что им придется жить изгоями? Когда она ехала к бару «Хеннеси», неужели ни разу не подумала о них и не пожалела?

– Ты принимаешь таблетки?

– От них я чувствую себя усталой.

– Ты должна их принимать. – Отстранившись, Майк взглянул сестре в лицо. – Ты нужна Трэвису. И мне тоже нужна.

Мэг вздохнула:

– Тебе я не нужна. И Трэвису, наверное, было бы без меня только лучше.

– Мэг, милая... – Он заглянул ей в глаза. – Ты лучше всех знаешь, что это неправда.

– Знаю. – Мэг убрала волосы со лба. – Я только хочу сказать, что очень нелегко воспитывать мальчика.

Он от всей души надеялся, что она не кривит душой.

– Для этого у тебя есть я. – Майк улыбнулся, хотя чувствовал себя на десять лет старше, чем до того, как вошел в этот дом. – И я никуда не денусь. Даже если ты и дальше будешь готовить отвратительнейшую мясную запеканку.

Мэг тоже улыбнулась, и настроение у нее сразу же изменилось. Будто кто-то сунул руку ей в голову и щелкнул переключателем.

– Но мне нравится моя мясная запеканка.

– Да, знаю. – Майк сунул руку в карман в поисках своих ключей. – Тебе нравится стариковская еда. – Мэг готовила так же, как готовила когда-то их бабушка. Наверное, точно так же готовили в домах для престарелых.

– Ты злюка! И плохо влияешь на Трэвиса. – Мэг рассмеялась, скрестив руки на груди. – Но ты всегда умеешь меня развеселить.

– Спокойной ночи, – сказал Майк, шагнув к двери.

Ночной воздух охлаждал лицо и шею, и он сделал глубокий вдох и медленный выдох, направляясь к своему грузовику. Майк всегда умел заставить сестру развеселиться, и ей становилось легче. Всегда. Зато ему потом было гадко. У Мэг часто случались припадки, но потом, когда все заканчивалось, она чувствовала себя прекрасно. Никогда, кажется, не замечала ни битой посуды, ни разгромленной мебели – всего того, что оставляла в результате непредсказуемого приступа дурного настроения.

Майк отсутствовал почти двенадцать лет и почти забыл, как выглядят перепады ее настроения. Иногда ему казалось, что зря он сюда вернулся.

Глава 5

Сидя за письменным столом, Мэдди взяла бутылку диетической колы и отвинтила крышечку. Сделала затяжной глоток и вернула крышечку на место. Сегодня утром, стоило ей только открыть глаза, она поняла, с чего должна начинаться ее книга. Раньше она всегда начинала каждую книгу с леденящих фактов прошлого.

На сей раз она села за стол и написала:

«— Обещаю, Бэби, что теперь все будет по-другому. — Элис Джонс взглянула на малышку-дочь, затем снова перевела задумчивый взгляд на дорогу. — Малышка, ты полюбишь Трули. Это маленький рай на земле, и будь я проклята, но давно пришла пора, чтобы Иисус кинул нам кусок получше.

Бэби ничего не ответила. Все это она уже слышала. Радостное волнение в голосе матери и обещание лучшей жизни. Но единственное, что менялось, — так это их адреса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.